

ОЧЕРКИ СЕМИРЪЧЕНСКАГО КРАЯ.

(Путевыя письма).

I.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО ВЪРНАГО.

Отъездъ изъ Ташкента. — Путь изъ Чечкента. — Долина рѣкъ Аръса и Терса. — Вѣтры. — Жары. — Ущелье Куюкъ. — Голодная степь. — Рѣка Таласъ. — Городъ Аулие-ата. — Дальнѣйшій характеръ дороги. — Александровскій хребтъ. — Въездъ въ Семирѣченскую Область. — Русскіе колонисты. — Переправа черезъ рѣку Чу. — Рѣка Чу. — Перевалъ черезъ хребтъ Курдай. — Выселокъ Любовный (Кескеленъ).

Путешествіе для меня, какъ и для многихъ, имѣетъ особенную прелесть. Посѣтить новыя мѣста, увидѣть иную природу, ознакомиться съ новыми людьми, жизнь и характеръ которыхъ рѣзко отличаются отъ жизни тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ прежде, все это привлекаетъ неудержимо.

Достаточно ознакомившись съ характеромъ степной жизни отъ Оренбурга до Самарканда и Бухары, я желалъ посѣтить восточныя окраины Туркестанскаго округа, рѣзко отличныя отъ западныхъ. Здѣсь находятся, послѣ Гималаевъ, высочайшіе въ свѣтѣ хребты горъ (Сары-ясы, Кокъ-шаалъ въ Тянь-шанѣ), съ своими дикими, грандіозными перевалами, неимѣющими себѣ ничего подобнаго (Му-зартъ). Здѣсь же примыкаетъ къ нашимъ границамъ древнѣйшая въ мірѣ китайская цивилизація, вліяніе которой столь значительно отразилось въ Бульджинской провинціи. Все это сильно занимало мое воображеніе и увеличивало желаніе увидѣть собственными глазами интересныя страны.

Находясь въ такомъ настроеніи, я въ серединѣ мая оставилъ Ташкентъ. Такъ какъ въ это время года въ Ташкентѣ стоятъ уже

тяжелые, невыносимые жары, то я, исходя изъ предположенія, что градуса полтора широты не составитъ большой разницы относительно состоянія термометра, припаялъ мѣры къ тому, чтобы легче избѣгать жаровъ, то есть взявъ побольше лѣтняго платья, тогда какъ зимнее захватилъ на всякій случай, для путешествія въ горахъ. Мои предположенія оказались ошибочными. Послѣ перевала черезъ невысокій хребетъ Казы-куртъ (верстахъ въ 80 отъ Ташкента) началъ предсѣдовать меня столь холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, что долженъ былъ тотчасъ облечься по-зимнему.

Почтовая ѣзда отъ Ташкента до Чемкента (114 верстъ) уже установилась влолѣть, и напоминаетъ недавнее прошлое Европейской Россіи, когда путешественнику приходилось съ конца въ конецъ передвигаться, испытывая безчисленное множество мелкихъ и крупныхъ лишений и неудобствъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, путешествуя по Россіи, трудно было допустить мысль, что въ такое короткое время она покроется могучею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Быстрота сооруженій желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи позволяетъ теперь надѣяться и дѣлаетъ возможною вѣроятность столь же быстрого развитія желѣзнодорожнаго дѣла и въ Азіатской Россіи, несмотря на всю видимую къ тому трудность.

Чемкентъ составляетъ узелъ трехъ главныхъ дорогъ Туркестанскаго края. Отсюда исходитъ путь черезъ Казалинскъ на Оренбургъ; затѣмъ черезъ Вѣрный на Сибирь, и, наконецъ, черезъ Ташкентъ въ Самаркандъ. Путь въ городъ Вѣрный идетъ сперва на сѣверо-востокъ и протекаетъ долинами рѣкъ Арыса и Терса. Сначала мѣстность имѣетъ характеръ сильно волнистый, вслѣдствіе чего надобно дѣлать частые подъемы и спуски, въ большинствѣ случаевъ не длинныя, хотя и крутыя. Впрочемъ, у станицы Машатъ правый берегъ оврага съ ручьемъ на днѣ чрезвычайно крутъ, имѣетъ длины до одной версты. Затѣмъ дорога непрерывается арыками (канавами), орошающими киргизскія пашши, здѣсь и тамъ попадающіяся вдоль дороги. Огромныя необозримыя степныя пространства, видимыя вокругъ и покрытыя густою сочною травой, весьма подручны для кочевниковъ, стада которыхъ находятъ здѣсь полное приволье. Въ водѣ также недостатка нѣтъ, такъ какъ горные хребты, видящіеся направо отъ дороги, даютъ начало ручьямъ и потокамъ, которые и служатъ для орошенія пашенъ и для питья.

Арыки и ручьи всюду переѣзжаемы вбродъ и серьезнаго пре-

пятствія для движенія не представляютъ. Ручьи даже въ періодъ половодья (съ Петрова дня) сообщенія не прерываютъ.

Начинаю съ третьей станицы, къ дорогѣ подходитъ справа невысокій хребетъ, который потомъ становится выше и выше. Съ лѣвой стороны дорогу также сопровождаютъ отроги Каратаусскаго хребта, чрезъ что долина рѣки Арыса суживается. У станицы Чакъ-макъ она расширяется и дѣлается ровнѣе, хотя все таки встрѣчаются овраги, устланные галькою.

Отъ самаго выѣзда моего изъ Чемкента бушевалъ холодный, противный вѣтеръ, неистово взрывавшій пыль и песокъ и заглядывшій ими глаза. Я уже хотѣлъ остановиться на одной изъ станицъ, чтобы переждать штормъ; но изъ распросовъ оказалось, что вѣтры во всей этой мѣстности явленіе нормальное, а тихая погода исключеніе. Дѣлать было нечего; я отправился далѣе, ухитрился и приспособляясь, сколь возможно, чтобы видѣть мѣстность и въ то же время сберечь глаза.

Кромѣ вѣтровъ, другую характеристическую особенность всей страны вдоль Александровскаго хребта составляютъ рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду. Зимы здѣсь суровы и почти ежедневно завываютъ бураны (мятели), которые заносятъ стационныя домики почти до верху. Для указанія пути по всему тракту поставлены земляныя, а мѣстами изъ сложенныхъ камней, тумбы, около одной сажени высоты. Лѣтомъ, въ тихій, безвѣтрный день жары бываютъ страшныя и, если ихъ не смѣнить въ теченіе днѣ сразу подпавшійся холодный вѣтеръ, то, съ наступленіемъ вечера, термометръ опускается чрезвычайно быстро.

Проѣхавъ долиною рѣки Терса, также населенною киргизами, какъ и долина рѣки Арыса, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Куюкъ приходится переѣзжать черезъ ущелье того же имени, тлущееся зигзагами вплоть до самой станицы. Дорога здѣсь мѣстами протекаетъ по карнизамъ надъ обрывами, но, несмотря на то, ущелье легко доступно: привычныя лошади и ящики знаютъ свое дѣло. Знаяю ущелье надобно часто расчищать, такъ какъ оно сильно запоситъ снѣгомъ. По дну ущелья протекаетъ ручей того же имени. Горы, образующія ущелье, каменисты и обнажены.

Отъ ущелья начинается мѣстность гладкая, ровная, каменистая, безводная, лишенная всякой растительности, хотя путь идетъ по южной окраинѣ голодной, безпріютной степи. Единственные обитатели этой печальной мѣстности суть черепахи, змѣи и разныя ядовитыя насѣкомыя. Ничто не разнообразитъ дикой пустыни; только

высокий хребетъ (Александровскій), тянущійся справа, вносить въ которое оживленіе для блуждающаго взора.

Такой характеръ мѣстность сохраняетъ на протяженіи около ста верстъ, до станціи Менды-бай, за исключеніемъ, впрочемъ, одного населеннаго участка, Аулие-ата, лежащаго на рѣкѣ Таласѣ. Эта довольно многоводная рѣка, вытекающая изъ горъ по общему направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, разноситъ съ собою и узенькую полосу жизни, давая пропитаніе пріютившемуся на ней люду. Несмотря на свое относительное многоводіе, Таласъ всегда переѣзжаемъ вбродъ.

Аулие-ата небольшой городъ, населенный сартами, не имѣетъ никакихъ памятниковъ прошлаго. Единственная древность здѣсь — невзрачная могила, сложенная изъ жженого кирпича. Могила находится среди обширнаго кладбища за городомъ и содержитъ въ себѣ остатки святого, по имени Кара-хана, одного изъ потомковъ знаменитаго мусульманскаго настыря Ходжи-Ахметъ-Ясави, покоящагося въ Туркестанѣ. Кара-хана извѣстенъ въ народѣ больше подъ именемъ «святого отца» — аулие-ата, откуда и названіе города.

Населеніе по пятницамъ и въ другіе праздничные дни приходитъ на могилу своего патрона для принесенія ему усердныхъ молитвъ.

Окрестность аулие-ата, какъ и весь уѣздъ, славится производствомъ хлѣба, который въ значительномъ количествѣ отпущается не только во всѣ части Сыръ-дарьинской Области, но даже и за границу, въ Кованъ.

Русская слободка въ Аулие-ата состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, принадлежащихъ служащимъ лицамъ. Домики эти, выстроенные изъ сырцового кирпича, выглядываютъ какъ-то особенно уныло. Единственное украшеніе русской слободки составляетъ маленькая, хорошенечкая церковь, окруженная зеленою молодухъ деревьевъ.

Во время учрежденія Туркестанскаго округа было предположеніе сдѣлать Аулие-ата административнымъ центромъ края; но болѣе внимательное разсмотрѣніе дѣла побудило избрать такимъ центромъ городъ Ташкентъ.

Аулие-ата былъ взятъ штурмомъ 4-го іюня 1864 года полковникомъ (нынѣ генералъ-майоръ) Черняевымъ. Атака была поведена на южную часть городской стѣны четырьмя ротами, которыя много въ ворвались въ городъ, послѣ чего цитадель уже не защищалась и аулие-атинскій бекъ поспѣшилъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Отъ станціи Менды-бай опять начинается прежній характеръ мѣстности. Частые дуга съ горными ручьями, протекающими по ка-

мѣстному дну, долины, образуемыя предгоріями сибѣговаго хребта, часто подходящаго близко къ дорогѣ, все это чередуется съ падождающею однообразностію. Кроме этого, путника сопровождаютъ еще киргизскія кладбища, примыкающія къ самой дорогѣ и состоящія, по большей части, изъ простыхъ могилъ въ видѣ глиняныхъ кучъ; встрѣчаются изрѣдка и надгробные памятники довольно сносною конструкціи, со сводами.

Единственно, что хоть сколько-нибудь разнообразитъ мѣстность — это громадный сибѣговой хребетъ, гордо возносящійся своими вершинами къ облакамъ; но и онъ много теряетъ вслѣдствіе того, что обнаженъ отъ всякой растительности. Лѣсъ есть лучшее украшеніе всякаго пейзажа; но здѣсь-то именно не только лѣсу, даже ни одного кустика не видно. Правда, въ глубинѣ ущелій горъ растутъ кое-какія породы деревьевъ, но они со стороны совершенно незамѣтны.

Несмотря на свою видимую безжизненность и обнаженность, горы эти (какъ и всѣ почти въ Средней Азій) въ теченіе лѣта населяются кочевниками, которые, по мѣрѣ того какъ выгораетъ трава на равнинахъ, поднимаются все выше и выше по хребту, находя въ его продолжныхъ и поперечныхъ долинахъ сибѣговую траву. Затѣмъ зимою, когда сибѣгъ и мятели заваливаютъ горныя долины, киргизы тѣмъ же порядкомъ спускаются къ подошвамъ и на равнины и располагаются на зимовки, гдѣ скотъ ихъ ищетъ скудное пропитаніе изъ-подъ сибѣга. Предоставляю воображенію читателей судить, каковъ долженъ быть жизненный обиходъ киргизовъ зимою. Люди зябнуть и жмутся отъ холода, просиживая часто по нѣскольку сутокъ въ своихъ переносныхъ жилищахъ, доверху заносимыхъ сибѣгомъ. Для согрѣванія брешнаго тѣла, въ юрту вводятся животные, по преимуществу бараны, между которыми ложатся люди. Животныя, здѣсь замѣняютъ наши печки. Скотъ отъ недостатка пищи худѣетъ и падаетъ. Только съ весною киргизы оживаютъ и поправляются.

Со станціи Кара-балты начинается Семирѣчская Область, гдѣ почтовая ѣзда становится нѣсколько лучше, вслѣдствіе того, что содержаніе станцій отдано русскимъ, умѣющимъ правильнѣе заботиться о дѣлѣ, чѣмъ туземцы, въ большинствѣ случаевъ занимающіеся почтовою гоньбою въ Сыръ-Дарьинской Области. Тутъ даже появились верстовые столбы.

По пріѣздѣ на слѣдующую станцію, Акъ-су, еще болѣе переноситься въ Европейскую Россію. Передъ взоромъ путешественника, какъ бы по магии волшебства, открывается малоросійскій поселокъ

(дворовъ 50), со всеми атрибутами украинской жизни. Хаты привѣтливо глядят своими окнами, плетеные заборы, садики вокругъ хатъ, огороды, домашняя птица—все это ублажаетъ зрѣніе и наполняетъ душу отраднымъ чувствомъ. Вотъ она Русь куда забралась и гдѣ приютились наши передовые переселенцы!...

Наибольшій контингентъ переселенцевъ въ Семирѣченскую Область даетъ Воронежская губернія. Съ каждымъ годомъ идутъ сюда новыя и новыя подкрѣпленія, такъ что скоро, пожалуй, не хватитъ имъ мѣста и здѣсь; тогда придется заселять или Сырь-Дарьинскую Область.

Участь переселенцевъ здѣсь, кажется, довольно обезпечена. Аксуйскій (Бѣловодскій) выселокъ считаетъ только второй годъ своего существованія, а люди уже успѣли достаточно обжиться. Они всемъ довольны и только жалуется на недостатокъ воды, необходимой для орошенія полей. Такъ какъ вода необходима и киргизамъ, а послѣдніе занимаютъ верхнія части ручьевъ, слѣдовательно, такъ сказать, господствуютъ надъ водою, то нашимъ поселенцамъ приходится вести нескончаемые споры изъ-за воды. Поистинно, что властямъ доводится быть умиротворителями.

Въ большей части Средней Азии хлѣбъ рѣдится только при помощи орошенія. Орошенная земля даетъ богатый урожай, не орошенная скудный, въ Семирѣченской Области даже ничего не даетъ; поэтому борьба изъ-за воды есть борьба изъ-за хлѣба. Изъ-за воды ведутъ вѣчную борьбу государства, города, села, а въ селахъ отдѣльные жители. Всякій, кто въ водѣ ближе, и притомъ сидитъ въ болѣе верхнихъ частяхъ рѣки и главнаго арыка, тотъ пользуется большими преимуществами и можетъ эксплуатировать того, кто сидитъ ниже и дальше отъ воды. Между ханствами споры рѣшаются оружіемъ; между отдѣльными городами ханства правителями, а между отдѣльными членами города или деревни особыми спеціальными чиновниками, *арыкъ-аксакалами*, наблюдающими за правильнымъ и безобиднымъ распределеніемъ воды между обывателями.

Нашимъ переселенцамъ, незнакомымъ съ системою орошенія земли, на первыхъ порахъ особенно трудно вести свое хозяйство; но нѣтъ сомнѣнія, что, со временемъ, они приспособятся къ новому роду жизни.

Выселками усѣяна вся дорога вплоть до Вѣрнаго; они расположены у станцій, оживляя почтовую дорогу.

Отъ станцій Пишпекъ, расположенной у бывшего ничтожнаго коканскаго укрѣпленія, взятаго штурмомъ нашими войсками въ 1860

году, дорога шла черезъ Кастекское ущелье; но такъ какъ это ущелье слишкомъ затруднило движеніе, то съ прошлаго года предложена новая дорога, въ обходъ, черезъ рѣку Чу, гдѣ сооружена хорошей деревянный мостъ. До Токмака и теперь еще существуетъ трактъ; но онъ вскорѣ будетъ брошенъ съ перенесеніемъ управленія Токмакскаго уѣзда въ Пишпекъ. Такое перенесеніе уѣзднаго административнаго центра обуславливается невыгодами его теперешняго расположенія среди болотъ, порождающихъ въ населеніи сильную болѣзненность и смертность.

Переправа черезъ Чу производится въ 22-хъ верстахъ отъ Пишпека, у Копстантиновской станціи. Здѣсь рѣка уже принимаетъ степной характеръ, хотя и течетъ еще чрезвычайно быстро. Берега ея невысоки, глинисты, вслѣдствіе чего чрезвычайно размываются, такъ что вода всегда мутна.

Въ рѣкѣ водится много рыбы разныхъ породъ, а на берегахъ, поросшихъ густымъ камышомъ, обитаютъ дикіе кабары и тигры.

Чу беретъ начало изъ Небесныхъ Горъ подъ именемъ Качкара и съ быстротою мчится на сѣверо-востокъ къ озеру Иссыкъ-куль, мимо котораго проходитъ верстахъ въ шести, отдѣляя рукавъ Кутемалды, сообщающійся съ озеромъ. Послѣ выхода изъ Буамскаго ущелья, долина Чу расширяется болѣе и болѣе и рѣка становится степною. Въ весеннее время, Чу сильно разливается; но сладъ водъ, во многихъ мѣстахъ образуются броды. Острововъ на рѣкѣ множество, и, кромѣ того, она, мѣстами, сплошь зарастаетъ камышомъ, образующимъ такъ называемыя *крьми*.

Переправившись черезъ Чу, вскорѣ вступаешь въ предгорья невысокаго хребта, пересѣкающаго дорогу и носящаго мѣстное названіе Курдай. Хребетъ этотъ имѣетъ въ мѣстѣ перевала до 6,000 футовъ высоты и верстъ 40 ширины. Склоны хребта неравны, а именно: западный пологій, имѣетъ до 30 верстъ длины, тогда какъ восточный гораздо круче, и дорога по этой покатости пролегаетъ зигзагами и идетъ почти все время по валику. Въ горахъ почти всегда свирѣпствуютъ вѣтры, а зимою разгуливаютъ жестокіе снѣжные бураны. Нужно брать много предосторожностей при слѣдованіи черезъ этотъ хребетъ зимою; иначе можно придти къ пагубнымъ послѣдствіямъ, что и случилось.

За перевалами чрезъ хребетъ путь становится совершенно ровнымъ; впрочемъ, верстахъ въ пятнадцати отъ станціи Таргатъ, дорога снова начинаетъ пересѣкаться арыками, оврагами, холмистыми

грдами, въ долинахъ которыхъ растетъ хорошая трава и находятъ себѣ пристанище киргизы.

На станціи Узунъ-агачъ (длинное дерево), на высокомъ холмѣ, усматривается памятникъ, сооруженный въ честь побѣды, одержанной здѣсь въ 1860 году генераломъ Колпаковскимъ надъ многочисленными скопищами коканцевъ. При станціи есть малороссійскій поселокъ съ прекрасно обработанными окрестностями.

Выселокъ Любовный (Кескелешъ) — послѣдняя станція передъ Вѣрнымъ. Этотъ выселокъ состоитъ изъ казаковъ, переведенныхъ изъ Сибири и вошедшихъ въ составъ Семирѣченскаго войска. Поселокъ производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Передъ глазами внезапно возникаетъ чисто-русская деревня, съ небольшою церковью по серединѣ. Домики, выстроенные изъ дерева, чистенькіе, опрятные, какъ игрушки, радостно смотрятъ своими большими окнами; тесовыя крыши блестятъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Улицы, широкія и прямыя, обсажены молодыми деревьями. Возлѣ домиковъ зачастую встрѣчается садикъ.

Изъ Любовнаго выселка до Вѣрнаго дорога сохраняетъ прежній характеръ. Наконецъ, перебравшись по небольшому деревянному мосту черезъ горную рѣчку Алматинку, путникъ въѣзжаетъ въ городъ Вѣрный.

II

ГОРОДЪ ВѢРНЫЙ

Мѣстоположеніе города.—Рѣка Алматинка.—Алтайскія горы.—Растительность въ горахъ.—Мѣры, предпринятыя мѣстными властями для сохраненія гѣсы.—Раздѣленіе города.—Статистическія данныя о городѣ.—Число зданій.—Количество населенія.—Занятія жителей.—Земледѣліе, пчеловодство, скотоводство, фабричная и заводская промышленность.—Торговля.—Провѣщеніе.—Нравственность.

По запискѣ нами Запайскаго края въ 1853 году, съ цѣлю упроченія русской власти надъ Большою Ордою, въ слѣдующемъ, 1854 году, было заложено укрѣпленіе Вѣрное, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ средіе вѣка былъ городъ Алматы, т. е. Яблоиныѣ, извѣстный по своей торговлѣ и служившій станціею на большой дорогѣ, по которой, между прочимъ, ходили генуэзскіе купцы въ Китай.

Укрѣпленіе Вѣрное сперва было центромъ управленія Алатавскаго округа, подчинившагося военному губернатору Семипалатинской Области, но, съ учрежденіемъ Туркестанскаго военнаго округа, укрѣпленіе было сдѣлано областнымъ городомъ Семирѣченной Области, и стало называться городомъ Вѣрнымъ, хотя официально такое на-

званіе еще ему не присвоено. Кроме того, туземцы и многіе русскіе называютъ Вѣрный, по старинному, Алматы.

Вѣрный лежитъ на ровной, песчано-глинистой мѣстности, у самой подошвы Запайскаго Алатау, на рѣчкѣ Алматинкѣ.

Алматинка беретъ начало въ необыкновенно живописной мѣстности, въ горахъ, и течетъ весьма быстро, съ шумомъ и пѣной, по дну, сплошь устланному крупными камнями. По выходѣ изъ горъ, рѣка, хотя и течетъ по ровной мѣстности, но сохраняетъ прежнюю быстроту и свойство дна.

Алматинка имѣетъ ширины не болѣе трехъ аршинъ, глубины около четверти аршина, и во всякое время переходима въ бродъ. При всемъ томъ, количество воды въ рѣчкѣ уменьшается съ каждымъ годомъ.

На уменьшеніе воды въ Алматинкѣ имѣетъ вліяніе, во-первыхъ, то обстоятельство, что рѣчка тотчасъ по выходѣ изъ горъ раздѣлится по арыкамъ или каналамъ для орошенія полей, садовъ и огородовъ, а, во-вторыхъ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ въ верховьяхъ рѣки, о чемъ еще будетъ сказано ниже. Алматинка впадаетъ въ другую горную рѣчку Кескелешъ, которая, въ свою очередь, вливается въ рѣку Или. Рѣка Алматинка получила свое названіе, вѣроятно, отъ того, что истоки ея, въ горахъ, густо поросли яблонями и урюкомъ (абрикосами).

Вѣрный лежитъ на высотѣ 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря и пользуется теплымъ и здоровымъ климатомъ. Лѣтніе жары доходятъ въ тѣни до 30°, а зимніе холода до 20°. По замѣчанію обывателей, вѣрненскій климатъ суровѣетъ съ каждымъ годомъ. Прежде зимніе холода были сноснѣе, да и снѣгъ держался лишь по нѣскольку дней; въ послѣдніе же годы зимы стали устанавливаться русскія, мѣлца на три. Нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ истребленіе лѣсовъ въ окрестностяхъ города приноситъ извѣстную долю вреднаго вліянія.

Лѣтніе жары едва выносимы; по вечерамъ и ночи всегда прохладны, вслѣдствіе близкаго присутствія вершинъ Алатау, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Быстрое измѣненіе температуры въ теченіе дня порождаетъ перемежающуюся лихорадку, которая и составляетъ господствующую болѣзнь въ Вѣрномъ. Къ лихорадкамъ лѣтомъ присоединяются поносы, происходящіе отъ неумѣреннаго употребленія зрѣлыхъ и умѣреннаго незрѣлыхъ фруктовъ.

Несоблюденіе условій для сохраненія въ чистотѣ воздуха и воды также отчасти вредно дѣйствуетъ на здоровье жителей. Всякій соръ

и нечистота остаются открытыми либо на дворахъ и улицахъ, либо сбрасывается въ воду, чрезъ что воздухъ и вода отравляются. Особенно усердно содѣйствуютъ въ этомъ калмыки, известные своею необыкновенною печистоплотностью, поселенные какъ въ городѣ, такъ и окрестностяхъ, вверхъ по Алматинѣ.

Господствующіе вѣтры: сѣверо-западный, съ озера Балхаша, и восточный, дующій весною. Первый гонитъ песокъ, поднятый съ сухой и песчаной степи Бедъ-пакъ-дала, и гонитъ дождевыя тучи.

Яблоки созрѣваютъ въ Вѣрномъ въ началѣ августа, урюкъ (абрикосы) во второй половинѣ юня, а рожь и пшеница въ юльѣ.

Средняя температура Вѣрнаго, опредѣленная въ 1861 году г. Голубевымъ, равняется $+5,6^{\circ}$ Р.

Городъ Марсель, находящійся почти подъ одною широтою съ Вѣрнымъ, имѣетъ среднюю годовую температуру $+11^{\circ},3'$ Р, вслѣдствіе чего тамъ созрѣваютъ оливки, персики и помаранцы, которые въ Вѣрномъ не растутъ.

Виноградъ, впрочемъ, разводится здѣсь съ успѣхомъ.

Окрестности Вѣрнаго, за исключеніемъ горъ, равнины и печально-однообразны.

За то Алатавскій хребетъ, замыкающій вѣриенскій горизонтъ съ юго-запада, необыкновенно живописенъ. Хребетъ имѣетъ до 14,000 футовъ высоты, такъ что вершины его постоянно покрыты снѣгомъ. Во времена недавняго прошлаго, не только покатоности горъ, но даже и предгорья были покрыты густымъ лѣсомъ; теперь же на предгорьяхъ растетъ одна трава, яркая, изумрудная зелень которой сливается съ темною зеленью еловаго лѣса, растущаго уже на самыхъ горахъ; все это увѣнчивается бѣлоснѣжной короной, вырѣзывающейся на яркомъ, голубоватомъ небѣ. Въ горахъ часто идутъ дожди, и тогда горы, какъ полесою, заволакиваются темными тучами, которыя, по мѣрѣ того какъ поднимаются къ верху, становятся бѣлыми, принимаютъ всевозможныя прихотливыя очертанія и, уменьшаясь постепенно, исчезаютъ въ пространствѣ.

Необыкновенно красивое зрѣлище представляютъ предгорья въ весеннее время (въ апрѣлѣ), когда кочевники ищутъ по нимъ *яалъ*, т. е. зажигаютъ старую траву для того, чтобы дать возможность лучше вырости новой. Поднеба занимаетъ заревожъ пожара, переливы котораго наполняютъ волнами свѣта всю окрестность. Но какъ ни красивы Алатавскія горы со стороны, картины въ самыхъ горахъ еще роскошнѣе, еще поразительнѣе. Могучая растительность долинъ и ущелій, потоки, kloкочущіе съ нѣкой въ обрывистыхъ берегахъ,

тропинки и дорожки, змѣй вьющіяся надъ пропастями, все это производитъ неотразимое впечатлѣніе. Съ каждымъ шагомъ впередъ, картины мѣняются какъ въ калейдоскопѣ и являются все болѣе поразительными, все болѣе эффектными.

Въ Алатавскихъ горахъ растетъ въ наибольшемъ изобиліи ель; затѣмъ, въ гораздо меньшемъ количествѣ, произрастаютъ: яблоки, урюкъ, джидда, ясень, арча (верескъ) и даже береза. Я сказалъ уже, что алатавскій лѣсъ значительно истребленъ. Чтобы парализовать, по возможности, такое истребленіе, мѣстныя власти предприняли нѣкоторыя мѣры, а именно: воспретили постройку деревянныхъ зданій въ городѣ; годный лѣсъ ваять въ казну и вырубна его стѣснена многими формальностями: всякій желающій рубить лѣсъ долженъ представить смѣту, сколько нужно ему дерева, какого размѣра и для какого предпріятія, и обязаъ заплатитъ попенную плату, которая невелика (отъ 60 до 15 копѣекъ серебромъ за дерево, смотря по размѣру).

Однако задуманная цѣль не достигается вполне: молодыя деревья продолжаютъ вырубаться по прежнему, а старыя остаются. Слѣдовательно, было бы цѣлесообразнѣе, не взимая платы и не требуя никакихъ формальностей, просто воспретить вырубку молодыхъ деревьевъ (указавъ размѣры, меньше которыхъ деревья должны оставаться неприкосновенными), и дозволить эксплуатировать деревья взрослыя. Тогда лѣсная экономія пошла бы своимъ чередомъ, и новыя поколѣнія деревьевъ исподволь замѣняли бы собою старыя.

Городъ Вѣрный состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Алматинской и станции (старая часть города), Алматинскаго выселка, Татари-ской слободки, и изъ Но ваго, или собственно города, только что возникающаго. Послѣдній состоитъ изъ каменныхъ, или, вѣрнѣе, кирпичныхъ зданій, тогда какъ старыя части города выстроены исключительно изъ еловаго лѣса.

Какъ старыя, такъ и новыя города распланированы правильно. Улицы прямыя, ровныя и широкія, въ большинствѣ случаевъ засажены (хотя довольно жидко) деревьями. При домахъ зачастую разведены садики.

Деревянные дома Вѣрнаго, имѣющіе видъ русскихъ избъ съ деревянными крышами, почти все холодны, вслѣдствіе того, что, впервыхъ, они законопачиваются не мхомъ (*), а сѣномъ, которое частію выгниваетъ, частію растаскивается птицами, почему въ стѣнахъ

(*) Въ Россіи для этой цѣли употребляется, какъ извѣстно, особый видъ мха, называемый *кукушкинымъ льномъ*.

постоянно образуются щели, и, во-вторыхъ, деревянные полы и потолки, ссыхаясь, даютъ трещины и щели, которыя также пропускаютъ холодъ. Кроме того, жители не знаютъ употребленія двойныхъ рамъ на зиму (*).

Количество зданій въ Вѣрномъ слѣдующее (**):

Наименованіе зданій.	Каменныхъ.	Деревянныхъ.
Церквей (***)	1	1
Мечетей	—	1
Домовъ	234	972
Нежилыхъ зданій	4	9
Лавокъ	—	226
Ларей и балагановъ	—	164
Харчевень и мельницы (****)	—	21
Мельницъ	—	62
Всего построекъ	239	1,456

Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 1871 году.

Въ 1863 году было:

	Каменныхъ.	Деревянныхъ.
Церквей	—	1
Домовъ	1	678
Магазиновъ и лавокъ	—	55
Мельницъ	—	32
Итого	1	766

Слѣдовательно, въ восьмилѣтній періодъ времени число зданій въ Вѣрномъ больше чѣмъ удвоилось.

Въ такой же пропорціи увеличивалось и число жителей.

Городъ Вѣрный замѣчательнъ разнообразіемъ своихъ обитателей. Какихъ только народностей и племенъ вы не встрѣтите на его улицахъ! Большинство населенія составляетъ казачье сословіе — коренные поселенцы; затѣмъ слѣдуютъ малороссіянс, пришедшіе недавно и пріютившіеся временно на территоріи новаго города. Къ числу переселенцевъ слѣдуетъ отнести незначительное количество чувашъ, мордвы, черемисовъ и другихъ племенъ съ Поволжья.

Кромѣ того, Вѣрный населяютъ: татары, живущіе въ отдѣльной

(*) Къ неудобству деревянныхъ строеній слѣдуетъ отнести также и возможность пожаровъ. Въ 1851 г. въ Вѣрномъ было семь пожарныхъ случаевъ, съ убыткомъ на сумму въ 3,462 р. 70 к.

(**) Въ извѣстныхъ свѣдѣніяхъ полученныхъ при обязательномъ содѣйствіи начальника Вѣрнополева уѣзда полковника Жданъ-Мушкетера.

(***) Строится соборъ, уже подведенный подъ фундаментъ.

(****) Въ числѣ этихъ зданій есть часть пѣчь сыръя и часть възбитой глины.

слободкѣ; сарты — пришельцы изъ другихъ городовъ Туркестанскаго округа (Аулие-ата, Чемкента, Ташкента), изъ кокандскихъ и кашгарскихъ владѣній; киргизы, принимающіе полуосѣдлый бытъ; калмыки, пришедшіе изъ Кульджи послѣ китайскаго погрома въ 1864 году; они, большею частію, приняли христіанство. Въ Вѣрномъ употребляются, преимущественно, какъ чернорабочая сила, китайцы, приходящіе сюда изъ Небесной Имперіи по торговымъ дѣламъ. Японецъ, еврей тоже живутъ торговлею.

Вотъ перечень вѣренскаго населенія по племенамъ и сословіямъ:

	Муж. полв.	Женск. полв.	Всего.
Въ 1871 году состояло.			
Дворянъ } потомственныхъ	109	46	155
} личныхъ	71	52	123
Ичетныхъ гражданъ	8	5	13
Духовенства бѣлаго	8	12	20
Купцовъ	174	107	281
Мѣщанъ	1,176	1,306	2,482
Крестыанъ	174	101	275
Колонистовъ	5	3	8
Военнаго сословія	2,512	250	2,762
Казачьяго	2,048	1,839	3,887
Отставныхъ и безсрочно-отлученныхъ солдатъ	583	180	763
Сартовъ	459	106	565
Китайцевъ	9	3	12
Киргизовъ	271	132	403
Калмыковъ } вращенныхъ	91	52	143
} невращенныхъ	107	81	188
Лица, принадлежащихъ въ неопредѣленнымъ сословіямъ	187	93	180
Проживающихъ по паспортамъ	191	83	277
Итого	8,186	4,457	12,637

Изъ этой таблицы усматривается: 1) значительное превосходство русскаго населенія надъ инороднымъ и 2) значительный переизбытокъ мужскаго пола надъ женскимъ. На 100 мужчинъ здѣсь приходится 54 женщины.

Въ 1863 году было: 4,322 мужчинъ, 1,842 женщины, всего 6,164; на 100 мужчинъ 43 женщины.

И такъ, хотя въ восьмилѣтній періодъ населеніе и удвоилось,

по численному отношенію между мужчинами и женщинами измѣнилось гораздо въ меньшей пропорціи.

Количество различныхъ вѣроисповѣданій распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе вѣроисповѣданій.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Римско-католическаго	131	1	132
Протестантскаго	22	2	24
Магометанскаго	550	152	702
Буддійскаго	136	87	223
Еврейскаго	14	—	14
Раскольниковъ	15	13	28

Затѣмъ все остальное населеніе православнаго вѣроисповѣданія.

Главнѣйшее занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Роды воздѣлываемыхъ злаковъ суть: рожь яровая и озимая, пшеница, овесъ, ячмень, просо и греча. Кромѣ того, въ значительномъ количествѣ засѣвается картофель.

Въ 1871 году было:

	Посѣяно четвертой.	Снято четвертой.
Ржи { озимой	498	1,754
{ яровой	249	2,922
Пшеницы яровой	1,937	19,022
Овса	3,079	33,831
Ячменя	420	1,881
Гречи	23	191
Картофеля	223	1,239

Хлѣбъ служитъ для собственнаго употребленія и не вывозится за границу. Впрочемъ, часть его сбывается киргизамъ, а часть идетъ на винокурный и пивоваренный заводы.

Огородничествомъ жители занимаются весьма охотно. Въ числѣ воздѣлываемыхъ овощей достоинъ быть упомянутымъ особый видъ сладкихъ дынь изъ кульджинскихъ сѣмянъ.

Немалъ не сказать еще объ одной отрасли вѣрненской производительности, представляющей исключительную рѣдкость во всей Средней Азіи, именно о пчеловодствѣ. Пчеловодство началось здѣсь съ 1857 года; въ 1859 году было 254 улья; въ 1871 году имѣлось 75 пасѣкъ и до 1,456 ульевъ. При этомъ надо замѣтить, что 1869 и 1870 годы были неблагопріятны для пчеловодства вслѣдствіе засухъ, отъ которыхъ цвѣтъ на травахъ и деревьяхъ посахъ и пчелы остались безъ пищи.

Послѣ земледѣлія главнѣйшая отрасль народной производительности есть скотоводство.

Въ 1871 году въ Вѣрномъ было слѣдующее количество скота:

Лошадей	3,611	штукъ.
Рогатаго скота	2,266	»
Овецъ	729	»
Свиней	449	»
Козъ	126	»
Верблюдовъ	88	»
Итого	7,369	штукъ.

Въ 1862 году было скота только 4,460 штукъ.

Изъ крупной заводской производительности могутъ быть упомянуты винокурное, водочное, кожевенное и кирпичное производства. Остальныя находятся въ кустарномъ видѣ.

Въ 1871 году было заводовъ:

Наименованіе заводовъ.	Число.	Количество производства.	Сумма производства.	Число рабочихъ.
Винокурный	1	45,000 ведеръ	171,000	145
Пивоваренный	1	1,755 »	1,540	5
Кожевенныхъ	3	236,59 штукъ	82,774	57
Кирпичныхъ	11	520,000 »	7,800	52
Водочный	1	1,688 »	7,524	6
Итого	17	»	270,638	265

Торговля Вѣрнаго, благодаря выгодному положенію города въ средоточіи путей изъ Кульджи въ Ташкентъ и въ Коканское ханство и изъ Кашгара въ Семипалатинскъ, развивается замѣтнымъ образомъ. Прежде караваны проходили черезъ Вѣрный не останавливаясь; въ послѣднее же десятилѣтіе они стали разгружаться для попутной распродажи. Кромѣ того, много купцовъ изъ Ташкента и сосѣднихъ владѣній (коканскихъ, кашгарскихъ и изъ Кульджи) парочко приходятъ сюда для продолжительной торговли.

Въ окрестностяхъ Вѣрнаго производится ежегодно значительная закупка скота у киргизовъ не только для Ташкента и Кульджи, но и для Петровска, до котораго слишкомъ тысяча-двѣсти верстъ.

Въ настоящее время, въ Вѣрномъ два базара: большой и малый, а все число лавокъ (въ 1871 году) простиралось до 390, тогда какъ въ 1863 году ихъ было около 50, а въ 1859 около 20.

Вѣрненская торговля развивается не мѣрѣ того, какъ упрочивается

спокойствіе на границахъ и утверждаются дружескія отношенія съ сосѣдями.

Теперь наша граница совершенно безопасна только со стороны Кокана и Бульджи, занятой нашими войсками. Отношенія же къ Кашгару и къ другимъ провинціямъ, принадлежавшимъ прежде Китаю, не дозволяютъ вести свободной и безпрепятственной торговли. Нѣтъ сомнѣній, что болѣе благопріятныя политическія отношенія со стороны Кашгара и дунганскихъ провинцій повліяютъ выгодно и на развитіе вѣрненской торговли (*).

Проведеніе телеграфа также окажетъ благотворное содѣйствіе развитію всѣхъ отраслей производительности. Телеграфныя столбы пожертвованы всѣмъ земствомъ Семирѣченской Области (въ томъ числѣ и киргизами) и уже разставлены до самаго Вѣрнаго. Есть надежда, что въ нынѣшнемъ году проволоку успѣютъ протянуть отъ Семипалатинска не только до Вѣрнаго, но и дальше по дорогѣ въ Ташкентъ, до границъ Сыръ-Дарьинской Области, а въ будущемъ году телеграфная проволока, вѣроятно, протянется и до Ташкента.

Грамотность въ Вѣрномъ также дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи. Здѣсь слѣдующія школы:

- 1) Приходская школа въ Алматинской станицѣ. Въ ней обучается 175 мальчиковъ и 39 дѣвочекъ.
- 2) Приходская школа въ Алматинскомъ выселкѣ, гдѣ обучается 45 мальчиковъ.
- 3) Мусульманская школа въ Татарской слободкѣ, съ 70 учениками, которые обучаются муллою.
- 4) Ремесленная школа съ 21 ученикомъ, обучающимися, кромѣ грамоты, еще различнымъ ремесламъ.
- 5) Школа садоводства съ 21 ученикомъ, которые обучаются опытнымъ садоводомъ изъ Крыма. Эта послѣдняя школа выстроена въ прекрасномъ городскомъ саду, гдѣ ученики усвоенное по теоріи

(*). Вотъ цѣны на нѣкоторые предметы на вѣрненскомъ рынкѣ:

Мука ржаной кулъ (десять пудовъ вѣсу) стоитъ 4 руб. 25 коп.; мука пшеничной кулъ такого же вѣсу 4 руб. 64 коп.; за перемолъ ржи или пшеницы беретъ 2 $\frac{2}{3}$ коп.; рисъ пудъ стоитъ 2 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп.; овса четверть (5 пудовъ 20 фунтовъ вѣсу) 2 руб. 84 коп.; свѣя пудъ 18 $\frac{1}{2}$ коп.; говядины 2 руб. 13 $\frac{1}{2}$ коп.; баранины пудъ 1 руб. 73 коп.; масла коровьяго пудъ 12 руб. 24 $\frac{1}{2}$ коп.; рыбы сѣвской пудъ 2 руб. 3 коп.; соли пудъ 70 коп.; свѣчей стеариновыхъ пудъ 17 руб. 56 коп.; свѣчей сыльныхъ пудъ 5 руб. 84 коп.; дровъ однополовинныхъ сажень 4 руб. 13 $\frac{1}{2}$ коп.; вина ведро 6 руб. 55 $\frac{1}{2}$ коп.; спирту ведро 13 руб. 11 коп.; меду пудъ 10 руб. 20 коп.; желѣза полосоваго пудъ 4 руб. 70 коп.

Плата рабочему въ день: пѣшему 35 коп.; съ лошадыю 1 руб. 10 коп.; съ паромъ воловъ 1 руб. 75 коп.

(въ теченіе зимы) примѣняютъ на практикѣ (въ теченіе лѣта). Ученіки набираются изъ всѣхъ станицъ Семирѣченской Области, и по окончаніи курса приносятъ въ свои деревни правильныя понятія въ лѣсоводствѣ, садоводствѣ и огородничествѣ.

Въ приходскія и въ ремесленную школу поступаютъ дѣти не только казачьяго сословія, но и привилегированнаго, хотя число послѣднихъ и не велико.

Въ населеніи Вѣрнаго большой охоты къ чтенію не замѣчается. Городской библиотеки и до сихъ поръ еще не заведено. Публика удовлетворяется кое-какими книгами, выписываемыми при управленіяхъ и штабахъ батальоновъ.

Въ вѣрненской областной почтовой конторѣ въ 1872 году получается 46 названій различныхъ періодическихъ изданій, въ количествѣ 178 экземпляровъ; но это количество не все остается въ Вѣрномъ, а часть экземпляровъ идетъ въ тѣ пункты Области, куда еще не устроенъ почтовый трактъ.

Больше всего выписывается военныхъ изданій («Русскаго Империала» 14 экземпляровъ и «Военнаго Сборника» 12); затѣмъ слѣдуютъ: «Силіе» 14 экземпляровъ и «Дѣло» 9; далѣе идутъ изданія относящіяся до моды («Модный Свѣтъ» 8 экземпляровъ, «Новый Русскій Базаръ» 7 и «Ваза» 6 экземпляровъ); «Отечественныя Записки» и «Иллюстрація» получаютъ въ количествѣ 7-ми экземпляровъ, «Вѣстникъ Европы», «Сенатскія Вѣдомости», «Досугъ и Дѣло» и «Смыслъ Отечества» въ количествѣ 6-ти экземпляровъ, «Сборникъ Романовъ» и «Биржевыя Вѣдомости» въ количествѣ 5-ти экземпляровъ. Остальныя изданія выписываются въ меньшемъ числѣ экземпляровъ.

Относительно нравственности, къ сожалѣнію, ничего нельзя сказать утѣшительнаго. Пьянство сильно развито и едва ли уменьшается. Здѣсь пьютъ не только мужчины и женщины, но и дѣти обоихъ половъ. Пьянство и другія причины порождаютъ въ здѣшнемъ населеніи и самоубійства, случающіеся довольно часто.

Нравственныя прочаго населенія здѣсь малоросы, отличающіеся честностью, трудолюбіемъ и кротостью характера; но случаи самоубійства встрѣчаются и между ними. Они пришли сюда недавно, и надо полагать, что совершенно чуждая имъ среда и обстановка развиваютъ въ нихъ тоску по родинѣ, которая иногда и разрѣшается самоубійствомъ.

Мѣры принимаемыя къ уменьшенію пьянства въ населеніи, по всей вѣроятности, будутъ содѣйствовать и къ поднятію его нравственнаго уроня.

III.

отъ Вѣрнаго до Кульджи.

При-илійская степь. — Выселокъ Илійскій. — Рѣка Или. — Чингильдинскій родникъ. — Хребетъ Чулакъ-тау. — Перевалъ Алтынъ-Имельскій. — Равнина Тугурекъ. — Ущелья Койбынь. — Выселокъ Борохудзиръ. — Путь отъ Борохудзира до Кульджи. — Крѣпости Чанъ-чако-дзи и Суйдуль. — Дороги въ Кульджу.

Изъ Вѣрнаго въ Кульджу дорога идетъ сперва по тракту на Сергіоноль вплоть до Алтынъ-Имельскаго пикета, откуда уже сворачиваетъ на востокъ. По выѣздѣ изъ Вѣрнаго, взору путника представляется широкая, раздольная степь, своимъ видомъ напоминающая нашу новороссійскую степь. Частыя балки и здѣсь, точно такъ же какъ и въ Новороссіи, перерѣзываютъ дорогу. Но по мѣрѣ того какъ дорога удаляется отъ Азатавскаго хребта, подвигансь болѣе и болѣе къ сѣверу, балки съ горными ручьями на днѣ становятся рѣкѣ. Дорога проходитъ вблизи змѣящейся рѣчки Алматинки, которая доставляетъ орошеніе кочевому люду, обитающему по ея теченію.

Почва степи песчано-глинистая, мѣстами солонцоватая и весьма плодородная. Густая трава, покрывающая степь, время отъ-времени перемежается нащипомъ кочевниковъ, зачастую прилегающими къ самой дорогѣ.

Верстахъ въ 70-ти отъ Вѣрнаго, у выселка Илійскаго, надобно переправляться черезъ широкую и многоводную рѣку Или.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Или была еще нашею пограничною рѣкою, здѣсь было сооружено маленькое укрѣпленіе съ двойною стѣною: для обезпеченія нашей границы и для сбора таможенныхъ пошлинъ съ каравановъ. И теперь еще надъ станціоннымъ домикомъ (гдѣ прежде жилъ сборщикъ пошлинъ) сохранилась вышка, на которой хаживалъ часовой, зорко наблюдавшій за тѣмъ, чтобы изворотливые кушцы не переправлялись гдѣ-нибудь выше или ниже. Съ отпесненіемъ нашей границы далеко на югъ и съ уничтоженіемъ таможеннаго сбора, значеніе укрѣпленія исчезло, вслѣдствіе чего оно и упразднилось. Теперь на этомъ мѣстѣ осталось только десятка два домиковъ поселенцевъ изъ казачьяго сословія. Такъ какъ грунтъ вокругъ выселка песчано-каменистый и безплодный, то жителямъ нѣтъ возможности заниматься хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Средствомъ къ существованію служитъ рыболовство въ рѣкѣ Или. Пойманную рыбу жители выселка обмѣниваютъ въ Вѣрномъ на хлѣбъ и другіе необходимые продукты. Вотъ причина, почему обитатели выселка бѣдны. Когда на Или разовьется пароходство, то, конечно, благосостояніе ихъ подымется.

Рѣка Или въ мѣстѣ переправы имѣетъ до 100 сажень ширины. Правый берегъ ея крутъ и высокъ. Глубина у этого берега около двухъ сажень, а у лѣваго около полусажени. Во время разлива рѣки, съ конца іюня до начала августа, уровень воды сильно подымается. Берега илисты, и потому вода въ рѣкѣ мутна и не вкусна. Рѣка вообще многоводна и пароходство по ней возможно. Въ настоящее время, кульджинскіе сарты стали спускать по Или на плотахъ дѣсь и каменный уголь. Одинъ вліятельный купецъ въ Вѣрномъ приступилъ даже къ постройкѣ парохода, который, по всей вѣроятности, вскорѣ и будетъ спущенъ. Теперь переправа черезъ рѣку производится на трехъ небольшихъ паромахъ.

За рѣкой Или мѣстность становится волнистою и песчаною. Дорога идетъ сперва по берегу, потомъ отклоняется къ сѣверу.

На первомъ пикетѣ отъ переправы (станція Чингильды) находится весьма интересный родникъ. Чистая и свѣтлая вода его обнаруживаетъ серебристую поверхность дна, которое кажется отстоящимъ отъ поверхности воды не болѣе какъ на четверть аршина. Множество маленькихъ рыбокъ, касаясь гладкаго дна, оставляютъ на немъ бороздки. Вы погружаете руку въ надеждѣ достать серебристаго песку, и дно, какъ призракъ, исчезаетъ подъ вашей рукой. Берете длинную палку, опускаете ее въ воду и она уходитъ вся безъ сопротивленія. Мы говорили на станціи, будто въ этотъ заколдованный родникъ опускали тяжесть сажень на двѣнадцать глубины и твердаго дна все-таки не доставали. Свѣтлое песчаное дно оказывается толстымъ илистымъ грунтомъ, надъ которымъ только въ видѣ тонкаго слоя сочтиси вода. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, надъ родникомъ устроенъ навильонъ. Вода въ ключѣ здоровая и пріятная на вкусъ.

По мѣрѣ приближенія къ хребту Чулакъ-тау грунтъ дороги становится все болѣе песчанымъ, а верстахъ въ девяти отъ станціи Барачекинской, когда дорога начинаетъ подыматься въ горы, является по преимуществу каменнымъ. Свой горный характеръ дорога сохраняетъ вплоть до Алтынъ-Имельской станціи, гдѣ она раздваивается: одна вѣтвь идетъ на Сергіоноль, и даже на Омскъ, другая круто поворачиваетъ на востокъ, въ Кульджу. Отсюда почтовый трактъ въ Кульджу устроенъ русскою администраціею лишь въ 1870 году, тотчасъ по занятіи нашими войсками Кульджинской провинціи. Несмотря на свое недавнее существованіе, несмотря на трудности, сопряженныя съ содержаніемъ почтоваго дѣла

въ только-что завоеванномъ краѣ, трактъ этотъ содержится весьма удовлетворительно.

Хребетъ Чулакъ-тау имѣетъ общее направленіе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, но покатости его неравны: сѣверо-западная покатость гораздо шире, и хребетъ распространяется отрогами и возвышенными площадями на нѣсколько десятковъ верстъ; юго-западная покатость, напротивъ, крута, и съ этой стороны хребетъ имѣетъ видъ грозной, непрерывной стѣны, тянущейся длинною линіею. Хотя вершины хребта и не блещутъ вѣчнымъ снѣгомъ, но видъ его съ юго-западной стороны живописенъ, и, наоборотъ, сѣверо-западная покатость, по которой идетъ вѣрненско-сергіопольская дорога, мертвенно-сучна и однообразна.

Спускъ съ хребта, по дорогѣ въ Кульджу, начинается въ 12^{1/2} верстахъ отъ станціи Алтынъ-Имельской. Онъ тянется всего лишь на протяженіи шести верстъ, и называется Якши-Алтынъ-Имельскимъ проходомъ. Крутой спускъ этотъ довольно грандіозенъ. Дорога проходитъ въ разсѣлинахъ скалъ, грозно нависающихъ надъ головою. Часто скалы расходятся, и тогда съ покатости впередъ открывается огромная равнина, окаямленная съ южной стороны среднимъ теченіемъ Или. Въ настоящее время ущелье хорошо разработано и не представляетъ никакихъ трудностей для движенія. Ущелье названо Якши (хорошимъ) Алтынъ-Имельскимъ, въ отличіе отъ Яманъ (дурного) Алтынъ-Имельскаго, лежащаго рядомъ и составляющаго еще болѣе сильное пониженіе хребта. Это послѣднее считалось болѣе труднымъ для движенія, почему и названо «дурнымъ».

Но отчего оба перевала получили названіе Алтынъ-Имель (золотое сѣдло) угадать трудно. Но всей вѣроятности, кочевники назвали ихъ такъ потому, что перевалы эти давали имъ возможность переходить черезъ хребетъ. Существуетъ, впрочемъ, легенда, будто одинъ казмыцкій ханъ, спасаясь отъ преслѣдованія, зарылъ свое золотое сѣдло въ одинъ изъ этихъ переваловъ. Но здѣсь очевидно, что не ущелье получило названіе отъ легенды, а, наоборотъ, легенда сложилась уже тогда, когда ущелье приобрѣло свое прозваніе. Какъ бы то ни было, никакихъ драгоценностей въ горахъ не открыто, и только въ Яманъ-Алтынъ-Имельскомъ ущельѣ находится богатая лопка мрамора.

Спустившись на равнину, приходится вѣхать по мѣстности печально-однообразной, бесплодной, пепельной и замкнутой почти со всѣхъ сторонъ скалистыми горами. Только на югѣ эта возвышенная равнина оканчивается несками, примыкающими къ Или.

Смотря по названію окаямляющихъ равнину горъ, она получаетъ и различныя наименованія, какъ-то: Тугурекъ, Кунуръ-улень и проч. Песчано-каменистый грунтъ и отсутствіе воды лишаютъ степь растительности; лишь мѣстами, въ видѣ узкой полосы, либо пятенъ, являются влажныя мѣста, а съ ними и зеленѣющая трава, или осока.

Проѣхавъ верстъ семьдесятъ этой степью, верстахъ въ одиннадцати передъ станціей Койбынъ, снова слѣдуетъ ущельемъ, которое замѣчательно тѣмъ, что горный хребетъ (Кой-бынъ) здѣсь какъ будто треснулъ до самаго основанія и образовалъ коридоръ, такъ что дорога идетъ между горными массами, нисколько не измѣняя своего горизонтальнаго положенія. Каменный коридоръ тянется змѣей почти на протяженіи пяти верстъ. Громадныя щеки коридора, составленныя изъ плитъ или скалистыхъ нагроможденій краснаго и фіолетоваго камня, поражаютъ своимъ дикимъ величіемъ. Съ расширеніемъ ущелья, горы, его образующія, понижаются и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется ихъ строеніе: изъ красныхъ и каменистыхъ, онѣ дѣлаются желтыми и глинистыми. Во время дождя, ущелье быстро наполняется водою, которая, скатившись по щекамъ, образуетъ на днѣ стремительные и иногда довольно глубокіе потоки.

Переваливъ у станціи Койбынъ черезъ кругую глинистую гору, ѣдешь по глинистой, волнистой мѣстности, чрезвычайно раскисающей въ дождливое время. Здѣсь, при дождѣ, весьма быстро образуются потоки, которые, вымывая ложе въ мягкомъ грунтѣ, какъ бы пролагаютъ каналы и тѣмъ затрудняютъ путь.

Волнистая мѣстность мало по-малу переходитъ въ совершенную равнину, съ болѣе твердымъ грунтомъ, обнаженнымъ отъ всякой растительности. Только видящейся впереди высокій снѣговой хребетъ Борохоро нѣсколько разнообразитъ печальную степь.

По приближеніи къ Борохуздиру, почва становится снова глинистою и даже глинисто-селощоватою.

Борохуздиръ есть недавно возникшій городокъ, или, правильнѣе, поселокъ, на нашей границѣ съ бывшими провинціями Китая. Съ учрежденіемъ Туркестанскаго округа, для обезпеченія нашей границы отъ вторженія различныхъ хищническихъ шаекъ, на рѣкѣ Борохузирѣ, равно какъ и на другихъ пограничныхъ пунктахъ, были выставлены отряды. Эти отряды должны были изображать собою какъ бы пограничныя укрѣпленія, и потому найдено было необ-

ходимымъ сдѣлать для нихъ помѣщенія, т. е. построить казармы и другія воинскія зданія.

Вскорѣ подъ прикрытіемъ отрядовъ стали поселяться выходцы изъ Китая, калмыки, а въ концѣ прошлаго (1871) года пришли въ Борохудзиръ тридцать пять семействъ крестьянъ изъ Томской губерніи, которые успѣли уже основать настоящей русской поселокъ. Переселенцы эти и суть пионеры русской колонизаціи. Печальный пока видъ представляетъ поселокъ. На ровной, заросшей бурьяномъ, мѣстности, торчатъ сиротливо десятка три глиняныхъ домиковъ, съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, вклеена бумага. Возлѣ домиковъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, разводятся садики. Постройка деревянныхъ зданій, во избежаніе пожаровъ и вслѣдствіе другихъ причинъ, запрещена. Изъ лѣса, который растетъ верстахъ въ 35 отъ поселка, въ горахъ, дозволено только дѣлать кровли и употреблять его на подѣлки. Воду для орошенія полей поселенцы берутъ изъ руки Борохудзира, бывшаго притока рѣки Или, текущей отсюда верстахъ въ тридцати. Рѣчка Борохудзиръ имѣетъ до одной сажени ширины и течетъ въ плоскихъ глинистыхъ берегахъ, вслѣдствіе чего весьма грязна, такъ что вода ея больше похожа на красную гущу. Рѣчка не доходитъ до Или, потому что вся разбирается на пашни. Почва въ окрестностяхъ Борохудзира весьма плодородна и даетъ богатые урожаи. Года три тому назадъ, здѣсь былъ сдѣланъ опытъ посѣва хлопчатника, давшій блестящіе результаты.

Поселенцы весьма довольны своимъ положеніемъ и дѣятельно устраиваются на новосельѣ. По вечерамъ, послѣ дневныхъ трудовъ, молодежь поселка собирается вмѣстѣ и отлащаетъ воздухъ звонкими пѣснями и играми.

Благосостояніе Борохудзира, безспорно, увеличится, когда на Или учредится пароходство. Въ настоящее время, въ Борохудзирѣ есть одна только достопримѣчательность: прекрасный, хотя и очень маленький садикъ, въ которомъ, между прочимъ, произрастаютъ персики и абрикосы. Этого садикъ общественный; онъ посаженъ года три-четыре тому назадъ, и теперь уже приноситъ плоды. Видъ прекраснаго, благоустроеннаго садика, среди ровной, раскаленной стени, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Это точно капли живительной росы на языкъ иссушенный жаждою. Рѣка Борохудзиръ до послѣдняго времени считалась (да и теперь еще официально считается) нашею пограничною рѣкою. Отсюда начинались

земли, составлявшія, такъ называемую, Кульджинскую или Пайскую провинцію, въ прошломъ году занатую нашими войсками.

Характеръ мѣстности отъ Борохудзира измѣняется значительно. Почтовая дорога въ Кульджу проходитъ по мѣстности, сохранившей слѣды могучей культуры.

Нѣсколько десятковъ верстъ вы ѣдете посаженнымъ лѣсомъ, въ которомъ частые горные ручьи, пересекающіе дорогу, давали возможность не только разводиться и поддерживать деревья, но и водѣлывать пашни. Нынѣ арки затхлоли, пашни заброшены, деревья частью засохла, частью истреблены. Развалины городовъ, чрезъ которые проходитъ дорога, еще болѣе усугубляютъ безотрадное чувство. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, въ этихъ городахъ кипѣла еще жизнь; здѣсь обитало племя болѣе цивилизованное, чѣмъ то, которое населяетъ Турястанъ. Нынѣ остались только торчація стѣны, груды мусора, почеркѣвшія отъ пожара деревья, разрушенныя молотьями съ кумирами, поверженными въ прахъ.

Лѣсъ, тянущійся отъ Борохудзира до развалинъ Акъ-кента и далѣе, на нѣсколько верстъ, состоитъ по преимуществу изъ карагача, затѣмъ изъ тальника и джиды (цареградской вербы). Но эти породы деревьевъ здѣсь невысоки и больше походятъ на крупныя кустарники; только въ районахъ разрушенныхъ городовъ попадаются по нѣскольку высокыхъ тополей, иблпей и карагача.

Изъ невысокихъ кустарниковъ здѣсь встрѣчаются саксаулыникъ и колючка, а изъ травъ осока, полынь, сладкій корень и другіе. Грунты по преимуществу глинистыя, либо солонцоватыя; по мѣстами попадаются галька, сопровождающая теченіе горныхъ рѣчекъ, которыя берутъ начало въ хребтѣ Борохоро, тянущемся грозною, высокою стѣною влѣво отъ дороги, верстахъ въ двадцати-тридцати отъ нея. Одна изъ такихъ горныхъ рѣчекъ Усѣкъ, протекающая въ 14-ти верстахъ отъ Борохудзира, имѣетъ довольно почтоныя размѣры. Разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, она въ главномъ своемъ руслѣ имѣетъ свыше десяти сажень ширины, а глубины въ невысокую воду до одного аршина. Въ періодъ половодія (въ іюнѣ и іюль), при чрезвычайной быстротѣ теченія, переправа черезъ рѣчку (въ бродѣ) сопряжена съ большими затрудненіями. Прорывавшійся благополучно, т. е. не опрокинувшійся въ воду и не растерявшій своихъ пожитковъ, долженъ считать себя счастливымъ и поблагодарить providence. Уровень воды въ рѣчкѣ измѣняется также и въ теченіе сутокъ: послѣ полудня вода стоитъ болѣе высокая, чѣмъ рано утромъ.

Лѣсъ имѣетъ многочисленныхъ обитателей: изъ птицъ здѣсь водятся, между прочимъ, кукушки, фазаны, соловьи; изъ звѣрей особенно замѣчательны кабаны и тигры, обитающіе въ при-илийскихъ камышахъ. Изъ насекомыхъ здѣсь несмѣтное количество оводовъ и сѣтвей безпокоящихъ скотъ. Людское населеніе по дорогѣ почти не встрѣчается; кочевники-калмыки паходятъ здѣсь, впрочемъ, надежное пристанище зимою, кочуя лѣтомъ въ горахъ Борохоро.

За лѣсною полосою вплоть до рѣки Хоргоса (верстѣ двадцать) тянется открытая, постепенно возвышающаяся къ рѣкѣ, песчаная и неплодная мѣстность. Переправа черезъ Хоргосъ происходитъ у развалинъ китайскаго города того же имени. Рѣка здѣсь течетъ, разбиваясь на многіе рукава, по широкому (версты двѣ) каменистому ложу. Главный рукавъ, по причинѣ быстрого теченія, глубины (до осей экипажа) и свойства дна, состоящаго изъ крупныхъ камней, даже и не въ ползую воду затрудняетъ переправу. Вообще здѣсь, какъ и на Усѣкѣ, необходимо было бы устроить мосты. Отъ Хоргоса до Чинъ-ча-хо-дзи и далѣе до Суйдуна мѣстность ровная, либо слегка волнистая, пересѣкаемая логами, по дну которыхъ, устланному галькою, пробѣгаютъ горные ручьи. Берега овраговъ не высоки, хотя, по большей части, круты. По дорогѣ, и въ сторонѣ, также замѣчаются слѣды нѣкогда кипѣвшей, а теперь вымершей жизни. Вы проѣзжаете по развалинамъ города Чинъ-панъ-дзи, одинъ изъ которыхъ свидѣтельствуетъ, что городъ этотъ былъ не чета среднеазиатскимъ мусульманскимъ городамъ. По сторонамъ дороги усматриваются какъ бы оазисы деревьевъ: это сады, украшавшіе собою въ бывшее время деревни и деревушки, пылъ оставленные и разрушенные.

Крѣпостца Чинъ-ча-хо-дзи, населенная дунганами и сартами, въ прошломъ году была взята нашими войсками штурмомъ. Жители ея, ожидавшіе, согласно принятаго въ Азіи обычая, грабежа со стороны побѣдителей, были немало удивлены, когда, по занятіи крѣпости, у нихъ ничего не было взято насильно.

Эта крѣпостца, какъ и слѣдующая за нею Суйдунъ, населенная исключительно дунганами, имѣетъ характеръ уже китайскій. Выступы въ крѣпостныхъ стѣнахъ и у воротъ усилены башенками китайской конструкции, съ поднятыми кверху углами крыши. Въ крѣпостяхъ одна или двѣ улицы широкія и прямыя, усаженныя деревьями, образующими нѣчто въ родѣ бульвара. Въ постройкахъ преобладаетъ дерево; немногія каменные зданія выстроены изъ прекраснаго жемчужнаго кирпича. Мечети (дунгане всѣ мусульмане) сооружены въ родѣ китайскихъ пагодъ. На базарахъ, поперекъ улицъ, воздвигнуты

довольно изящныя арки, украшенныя изображеніями драконовъ, цѣтовъ и другихъ фигуръ. Женщины на улицахъ не маскируются и не скрываются отъ взоровъ мужчинъ. Но, рядомъ съ этими улучшеніями, грязь, вонь и нечистота на улицахъ, въ лавкахъ и домахъ такія же, если не хуже, что и въ мусульманскихъ городахъ Туркестана. Населеніе крайне бѣдное. Въ лавкахъ продаютъ только предметы самой первой необходимости. Возлѣ лавокъ помѣщаются харчевни съ острыми и удушающими запахомъ.

Не доѣзжая версты пяти до Суйдуна, среди дороги, одиноко стоятъ два большихъ дерева (карагача), выросшихъ вмѣстѣ у осипанія: они считаются *священными*. По рассказамъ туземцевъ, эти два дерева суть ирродители всѣхъ лѣсовъ и садовъ (состоящихъ преимущественно изъ карагача) при-илийской долины. Въ большомъ желвакѣ, соединяющемъ оба дерева, образовалось дупло, сообщающееся съ поверхностью только посредствомъ двухъ-трехъ маленькихъ отверстій. Туземцы увѣряютъ, что въ дуплѣ всегда сохраняется чистая и свѣжая вода. По тщательному осмотру моему, никакой воды въ дуплѣ не оказалось, несмотря на то, что передъ тѣмъ шелъ обильный дождь.

Изъ Суйдуна почтовая дорога проходитъ по волнистой, открытой мѣстности, вдоль подошвы плоскихъ отроговъ Талкинскаго хребта, средняя часть котораго носитъ названіе *Кумырз-тау* (угольные горы) отъ огромныхъ залежей каменнаго угля, содержащихся въ горахъ. Разработка угля происходитъ перстахъ въ пятнадцать не доѣзжая Кульджи, къ сѣверу отъ дороги.

Вправо отъ дороги тянется населенная и воздѣланная долина рѣки Или. Опустошеніе и развалины городовъ и здѣсь свидѣтельствуютъ о недавней рѣзни и о взаимномъ истребленіи народностей. Въ числѣ развалинъ слѣдуетъ упомянуть объ обширныхъ остаткахъ большого города—китайской Кульджи, видящихся на самомъ берегу Или вправо отъ дороги, вскорѣ послѣ выѣзда изъ Суйдуна. Еще одна такая же обширная могила встрѣчается и верстахъ въ десяти не доѣзжая Кульджи таращинской. Это развалины города Баяндая въ которомъ, говорятъ, было до 17,000 жителей.

У Баяндая подошва отроговъ Талкинскаго хребта круто поворачиваетъ къ сѣверу, дорога выходитъ на равнину и идетъ до Кульджи по прекрасно воздѣланнымъ мѣстамъ, занятымъ пашнями, огородами, хуторами и т. под. Минувая небольшой городокъ Чинъ-панъ-дзи, лежащій въ четырехъ верстахъ отъ Кульджи и населенный исключительно китайцами, вы вскорѣ въѣзжаете въ предмѣстья

которыя приводятъ васъ прямо къ высокой глинной съ башнями стѣнѣ самаго города Кульджи, не отдѣленнаго отъ предмѣстій никакою эвланадою.

IV.

КУЛЬДЖА.

Мѣсторасположеніе Кульджи.—Рѣка Или.—Климатъ.—Разноплемениность кульджинскаго населенія.—Китайцы и ихъ владычество въ Илійской провинціи.—Дунгане.—Таранчи.—Общій видъ города.—Базары.—Китайская тумирня.—Китайская католическая часовня.—Статистическія данныя о Кульджѣ.—Число зданій.—Количество населенія.—Распределеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ.—Занятія жителей.—Торговля и промышленности.—Хлѣбопашество.—Шоаи.—Народная нравственность.—Народный судъ.

Городъ Кульджа, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, называется еще «старою» или «тараичинскою Кульджею», въ отличіе отъ разрушенной въ 1866 году «новой» или «китайской Кульджи», лежащей отъ старой въ тридцати пяти верстахъ къ юго-западу. Старая Кульджа расположена въ широкой долинѣ рѣки Или, на правомъ ея берегу, въ пяти верстахъ отъ рѣки. Или у Кульджи течетъ въ открытыхъ берегахъ широкою и многоводною рѣкою. Правый берегъ и здѣсь, какъ и вдоль всего теченія, круче, чѣмъ лѣвый. Ширина рѣки около восьмидесяти сажень. Переправа производится на трехъ паромяхъ, содержимыхъ русскими промышленникомъ. Вслѣдствіе быстроты теченія, особенно при вѣтрѣ, переправа производится медленно. Рѣка замерзаетъ въ теченіе девяти дней въ году, отъ конца ноября до конца февраля. По Или издавна сплавлялся лѣсъ изъ верховій въ среднюю часть рѣки.

Почва въ окрестностяхъ города песчано-глинистая и весьма плодородная. Климатъ Кульджи теплый, здоровый и пріятный. Хотя лѣтніе жары здѣсь и доходятъ до 35° Р. въ тѣни, но зной значительно умѣряется перепадающими въ теченіе лѣта дождями. Благодаря осеннимъ дождямъ, хлѣбъ въ окрестностяхъ Кульджи можетъ родиться даже и безъ поливки. Зимы здѣсь ровныя, снѣгъ держится до полудтора мѣсяца. Холода зимою доходятъ до—24° Р.

Кульджинская долина защищена со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, высокими горами, и этимъ обстоятельствомъ, какъ кажется, и можно объяснить умѣренность климата, который, при всемъ томъ, благодаря южному положенію страны, даетъ возможность къ произрастанію южныхъ деревьевъ и плодовъ. Такъ, въ кульджинскихъ садахъ растутъ персики, абрикосы, гранаты, виноградъ, яблоки,

груши и туть (*). Впрочемъ, всѣ эти плоды мелки и, отъ недостатка ухода, дрякы. Въ Суйдунѣ, лежащемъ въ сорока верстахъ отъ Кульджи, на западъ, фрукты несравненно лучше, вслѣдствіе чего, съ приходомъ сюда русскихъ, туземцы стали прививать суйдунскія фруктовыя деревья кульджинскими. Въ окрестностяхъ Кульджи произрастаетъ даже хлопчатникъ, воздѣлываемый, при отсутствіи предприимчивости, въ ограниченномъ количествѣ. Абрикосы въ Кульджѣ поспѣваютъ во второй половинѣ іюня, а персики въ концѣ іюля и въ началѣ августа.

Господствующій вѣтеръ западный, т. е. съ низовой Или. Этотъ вѣтеръ приноситъ съ собою влагу и дождь.

Кульджа замѣчательна разнообразностью своего населенія. Здѣсь, какъ и вообще во всей Илійской долинѣ, смѣшаны самыя разнообразныя племена людей. До начала шестидесятыхъ годовъ, господство принадлежало китайцамъ, которые владычествовали надъ болѣе многочисленными племенами дунганей и таранчей.

Сознавая превосходство свое надъ туземцами и отличаясь гордымъ и заносчивымъ характеромъ, китайское правительство и чиновничество не стѣнялось въ способахъ выраженія своего владычества. Народъ былъ отягощенъ разными налогами. Кромѣ того, жители Илійской провинціи должны были содержать на свой счетъ многочисленныя стада богдыхана. Собственность населенія нисколько не была обезпечена. Если какая-нибудь вещь принадлежала китайскому чиновнику, то она безъ всякихъ разговоровъ отбиралась. То же самое дѣлалось, если чиновнику принадлежала жена или дочь дунгана или таранчи. Независимо отъ всего этого, народъ несмысленно и другія униженія. При встрѣчѣ съ китайцемъ, иноземецъ долженъ былъ встать, если сидѣлъ, и слѣзть съ коня, если ѣхалъ верхомъ. Такая цѣль обидъ, униженій и оскорбленій переполнила терпѣніе: дунгане и таранчи возстали и страшно расплатились съ своими угнетателями. Центральное китайское правительство, по своему безсилію, оставалось безучастнымъ зрителемъ рѣзни и отпаденій своихъ провинцій.

Можно быть увѣреннымъ, что правительство богдыхана, едва подерживающее свою власть въ собственномъ Китаѣ, не въ состояніи будетъ снова покорить отпавшія земли, которыя и прежде подчинились ему болѣе номинально, чѣмъ фактически. Частыя сверженія династій, безпрестанныя втечи на окраинахъ, расшатали до того

(*). Тутъ растетъ въ изобиліи. Въ нынѣшнемъ году былъ опытъ выноса шелковичныхъ червей, который показалъ, что шелководство въ Кульджѣ можетъ идти съ успѣхомъ.

разношерстный состав Небесной Империи, что теперь, когда возстание охватило все провинции, лежащая к северу и к западу от «великой стѣны», китайцамъ, даже и при посторонней помощи, управиться съ мятежными землями невозможно.

Достаточно проѣхать по Кульджинской провинции, гдѣ, на протяжении сотенъ верстъ, видны слѣды страшнаго опустошенія, чтобы убѣдиться въ гнилости не только правительства, но даже національности, допустившей подобный разгромъ.

Дунгане, свергнувъ иго китайцевъ, вскорѣ уступили господство въ Илійской провинции таранчамъ.

Происхожденіе дунгаей загадочное. Приходъ этого племени на настоящія мѣста жительства теряется во мракъ времени. Въ Кульджѣ существуетъ преданіе, будто дунгане пришли сюда еще съ Тимуромъ, и будто бы герой этотъ, женись на китайской принцессѣ, получилъ въ приданое отъ бегдыхана Илійскую провинцію. Сподвижники героя послѣдовали примѣру вождя и тоже перебрались на китайскихъ. Вслѣдствіи, когда Тимуръ ушелъ во-свои, сподвижники его остались и получили въ подарокъ землю, вслѣдствіе чего дунгане и считаютъ себя ея владѣтелями по праву.

По своему типу, дунгане ближе подходятъ къ тюркскому племени, къ узбекамъ и сартамъ, населяющимъ Ташкентъ, Кашгаръ и другіе города Туркестана, чѣмъ къ китайцамъ. Вѣру они исповѣдуютъ мусульманскую. Во всемъ остальномъ, по языку, одеждѣ и образу жизни—они настоящіе китайцы. Сохранивъ вполнѣ китайскій костюмъ, илійскіе дунгане, однако, усвоили себѣ мусульманскій обычай брить голову и носить на головѣ тибетейку.

Во всякомъ случаѣ, можно предполагать, что дунгане принадлежали сперва къ тюркскому племени, но потомъ смѣшались съ китайцами и приняли отъ послѣднихъ цивилизацію. А такъ какъ въ дѣлѣ религіи китайцы самый равнодушный народъ въ мірѣ, мусульмане же, наоборотъ, по преимуществу фанатики, то дунгане, воспринявъ отъ китайцевъ все, остались при своей прежней вѣрѣ.

Таранчи принадлежатъ уже къ чисто-тюркскому племени. Они переселены въ концѣ прошлаго вѣка (въ 1770 годахъ) изъ восточнаго Туркестана (изъ городовъ Турпане, Акъ-су, Кашгара и другихъ) съ цѣлью развить хлѣбопашество и земледѣліе въ Илійской долинѣ, разоренной и завоеванной незадолго передъ тѣмъ китайцами. Слово «таранча» по-китайски и значитъ «земледѣлецъ». По распоряженію китайскаго правительства, къ числу переселенцевъ были отнесены преимущественно преступники и вообще люди дурной нравственности.

Такихъ переселенцевъ выслано было до 7,000 семействъ. Отъ браковъ съ дунганями они размножились, окрѣпли, и даже были въ столицѣ, послѣ китайскаго погрома, вырвать гегемонію изъ рукъ дунгаей.

Живя среди китайской обстановки и цивилизаціи, таранчи, какъ въ Кульджѣ, такъ и въ другихъ городахъ Илійской провинціи, усвоили весьма многое отъ китайцевъ. Женщины ихъ ходятъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ, несмотря на строгое предписаніе шаріата закутываться въ халатъ и закрываться густою сѣткою. Въ домахъ введена нѣсколько улучшенная обстановка: въ комнатахъ устраиваются ниши, устанавливаются столы, табуреты, а то и кресла самой простой конструкціи. Въ одеждѣ таранчи тоже не строго держатся предписаній корана и научились мѣнять подчасъ широкій и неуклюжій халатъ на болѣе короткую и удобную поддевку. Кроме того, китайцы научили таранчей употребленію каменнаго угля для топлива и для фабричныхъ производствъ, и пр. и пр.

Преобладающее населеніе старой Кульджи—таранчи; вотъ почему и физіономія города не имѣетъ чисто-китайскаго характера. Замѣчательно, что двѣ главныя мечети въ Кульджѣ построены въ чисто-китайскомъ стилѣ, тогда какъ китайская кумирня имѣетъ видъ самой простой лачуги.

Постройка изъ жженого кирпича съ фигурными изображеніями и съ черепичною крышею, воздвигнутыхъ еще китайцами, осталось весьма немного въ Кульджѣ. Все почти дома глинобитные, съ камышевою крышею, приземистые, темные, невзрачные, имѣющіе типъ общій всемъ постройкамъ мусульманскихъ средне-азиатскихъ городовъ.

Въ городѣ два базара: таранчискій (въ крѣпости) и китайскій (въ предместьи). Базары отличаются отъ средне-азиатскихъ только тѣмъ, что лавки нѣсколько просторнѣе и въ нихъ устроены вылучки, загораживающія входъ и отдѣляющія внутреннее помѣщеніе отъ покупателей. Базарныя улицы сверху неокрыты, вслѣдствіе чего не защищены ни отъ дождя, ни отъ зноя. На китайскомъ базарѣ въ лавкахъ зачастую торгуютъ женщины, и здѣсь же подчасъ усматриваются въ продажѣ цвѣты—особенность чисто-китайская, такъ какъ въ мусульманскихъ городахъ продажа цвѣтовъ показала бы чистѣйшею нечестностью.

Въ китайской части города, на базарѣ есть нѣсколько ресторановъ, въ которыхъ пасыщаются правительственные. Копѣекъ за двадцать голодный паѣдается власть. Въ этихъ ресторанахъ замѣчательно разнообразіе приготовляемыхъ блюдъ. Чтобы попасть въ ресто-

ранъ, нужно пройти сперва через кухню, выходящую прямо на улицу и раздражающую обоняние прохожихъ. Несмотря на то, что кухни содержатся опрятно и приготовленіе кушанья довольно чисто, острый и удушливый запахъ еще издали даетъ знать о присутствіи ресторана, и европейцу надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобы долгое время выносить этотъ запахъ.

Главнѣйшія улицы въ городѣ вымощены мелкимъ камнемъ; вдоль ихъ проложены арыки, хорошо выложенные кирпичемъ. Городъ вообще бѣдный и грязный; особенно грязна китайская часть. Однако, движеніе народа въ китайской части больше; тогда какъ на тараичинскомъ базарѣ солидные мусульмане чинно сидятъ въ своихъ лавкахъ, позѣвывая и отгоняя мухъ особымъ снарядомъ изъ волосяной метелки, придѣланной къ ручкѣ, на китайскомъ базарѣ вѣчное движеніе, суета, шумъ. Продавцы товаровъ выкрикиваютъ и зазываютъ покупателей. Толпы ребятишекъ, частью полунагихъ, частью совершенно нагихъ, сплываютъ взадъ и впередъ.

Въ толпѣ мужчинъ выдѣляются витальки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, на маленькихъ уродливо-сдавленныхъ ножкахъ, на которыхъ онѣ ходятъ съ трудомъ, точно на ходуляхъ, покачиваясь въ стороны.

На каждомъ шагу натыкаешься на продавцевъ, у которыхъ весь товаръ выставляется въ одной рукѣ и стоитъ двѣ, три копейки. Вотъ де-пелзл грязный мальчишка, держа на пальцѣ кусокъ баранины, кричитъ что есть мочи, заывая о своемъ товарѣ....

Наибольшая тѣснота, шумъ и давка происходятъ въ такъ называемомъ обжорномъ ряду, гдѣ продаются различныя сибди. За какинъ нибудь три, четыре копейки бѣднякъ достаточно утоляетъ свой аппетитъ.

Утеливъ голодь, китайскіе лазароны улаживаютъ гдѣ-нибудь въ холодку возлѣ лавки и, въ теченіе цѣлаго дня, предаются праздности.

Торговля на китайскомъ базарѣ раздѣляется на три категоріи: 1) торговля постоянная, производящаяся въ лавкахъ, въ которыхъ продаются болѣе цѣнные предметы: мата, ситцы, чай, сахаръ, желѣзо и проч.; 2) торговля подвижная — на столикахъ, разставленныхъ передъ лавками; тутъ продаются вещи уже болѣе дешевыя: простое мыло, зеркальца, деревянные гребешки, скверный табакъ, иглоки, горсти двѣ русскихъ конфетъ и проч.; этотъ товаръ на ночь убирается и утромъ снова раскладывается, и 3) торговли раз-

носнаго, производимая въ корзинахъ, или просто въ рукахъ: сюда относится продажа яицъ, фруктовъ, птицъ и проч.

Сколько-нибудь порядочныхъ вещей въ Кульдѣ теперь нѣтъ. До 1866 года здѣсь можно было найти китайскія шелковыя ткани, фарфоровыя вещи, драгоценныя камни; нынѣ мало-мальски порядочныя ткани и фарфоръ сдѣлались археологическою рѣдкостью и сильно вздорожали.

По занятіи нами Кульдѣ, особую статью торговли составляли китайскіе «бурханы» (небольшія идиолы, либо чугунныя статуйки, изображающія боговъ). И бурханы уже раскуплены.

Грязный и неприглядный городъ снаружи оказывается еще грязнѣе внутри, т. е. во дворахъ и въ домахъ. Дворы завалены всякою нечистотой, а въ домахъ соръ и безпорядокъ превосходятъ всякое представленіе. Помѣщенія даже богатыхъ и достаточныхъ людей страдаютъ отсутствіемъ свѣта, вентиляціи и чистоты. Китайскіе дома, кромѣ того, отличаются какинъ-то особеннымъ, имъ однимъ свойственнымъ, острымъ запахомъ.

Изъ общественныхъ зданій въ Кульдѣ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ мечетей, достойна замѣчанія китайская кумирня. Входъ въ кумирню ведетъ черезъ нѣсколько грязныхъ двориковъ. Въ переднемъ дворикѣ, въ темной конурѣ, помѣщается училище, гдѣ собираются дѣти для изученія иранскія Конфуціа. У каждого мальчугана въ рукѣ по винчикъ, но учатся всѣ сообща, прикрывая, подобно тому, какъ это дѣлается въ еврейскихъ и въ мусульманскихъ школахъ.

Самая модельная помѣщается въ теплой, но довольно просторной комнатѣ. Обстановка сильно напоминаетъ католическую церковь. У передней стѣны стоитъ большой престолъ, установленный разными яствами, свѣтильниками, сосудами, въ которыхъ дымится курица. За престоломъ, равно какъ и по боковымъ стѣнамъ, нарисованы изображенія святыхъ, а надъ престоломъ повѣшено фигурное изображеніе дракона. Фигуры святыхъ отличаются дородностью и полнотою. Вдоль стѣнъ висятъ флаги, въ родѣ хоругвей. Наконецъ, возлѣ престола, привѣшены колокола. По моему желанію, священнодѣйствіе сталъ производить грязный и оборванный субъектъ, который, подъ мѣрные удары колоколовъ, съ шумомъ табующихъ свѣчекъ въ рукахъ, производилъ безконечныя поклоны земные и полужемные, приступая и отступая къ жертвеннику или престолу.

Въ важныхъ случаяхъ, взамиль словесныхъ молитвъ, сжигаютъ бумажки, съ написанными молитвами или пожеланіями, въ увѣренно-

сти, что такимъ образомъ возносимыя моления доходятъ скорѣе до Бога (*).

Въ числѣ кульджинскихъ китайцевъ находится человекъ восемьдесятъ исповѣдывающихъ христіанство и называющихъ себя *католикусами*. Они имѣютъ у себя маленькую церковь, расположенную на краю города. При входѣ я былъ встрѣченъ однимъ изъ китайцевъ, обратившихся ко мнѣ со словами: «Христосъ воскресъ!» Сперва надлежало пройти по двумъ маленькимъ и грязнымъ дворикамъ, которые и приводятъ въ небольшую комнату. Въ стѣнѣ, противоположной входу, въ родѣ стѣнного шкафа, устроены двери, ведущія въ крошечную комнатку, въ родѣ часовни. Въ этой часовнѣ находится литографированное изображеніе римско-католической Богоматери, Распятіе, два мѣдныя подсвѣчника и на узенькомъ столѣикѣ, подѣ Распятіемъ, лежитъ латинская библія.

Я взялъ библію и предложилъ одному изъ присутствовавшихъ китайцевъ прочесть; тотъ прочелъ, но, видимо, не понималъ читаемаго. Вообще кульджинскіе «католикусы» весьма нетверды въ основаніяхъ своей вѣры. На шеѣ они носятъ крестики и молитвы читаютъ на латинскомъ языкѣ. Являясь съ просьбою къ начальству, свои крестики они вывѣшиваютъ снаружи.

Въ домахъ у кульджинскихъ католиковъ на стѣнахъ, вмѣсто иконъ, усматривается изображеніе креста. Кромѣ того, можно почасъ видѣть и четки съ крестикомъ, либо съ ладонкою, на которой вышитъ крестикъ.

Христіанство было занесено въ Кульджу французскими мисіонерами, призжавшими изъ Пекина. Нельзя безъ изумленія отнестись къ этимъ воинамъ Христа, проходившимъ столь огромныя, дивныя пространства, для осуществленія своихъ заветныхъ идей!

Вотъ статистическія данныя о числѣ домовъ и о количествѣ народонаселенія въ Кульджѣ (**).

Въ 1872 году въ Кульджѣ находилось:

Цервей православныхъ	1
Римско-католическихъ	1
Китайскихъ кумиренъ	2

(*) Есть еще одинъ оригинальный способъ молиться: къ колесу привязывается бумажка, съ написанною на ней молитвою; колесо быстро вращается, причемъ каждый оборотъ колеса считается за отдельную-прованнесенную цѣлую молитву.

(**) Вся цифровая данія обявательно сообщены заведывающимъ кульджинскимъ участкомъ П. Я. Рейнталемъ.

Мечетей	36
Домовъ	1,258
Всего зданій	
	1,298

По племенамъ и сословіямъ, кульджинское населеніе распределяется слѣдующимъ образомъ:

	Мужского пола.		Женского пола.		Всего.
	пол.	пол.	пол.	пол.	
1) Русскихъ:					
Дворянъ потомственныхъ	6	4	—	—	10
» личныхъ	12	—	—	—	12
Духовенства чернаго	1	—	—	—	1
Мѣщанъ	19	7	—	—	26
Крестьянъ	9	4	—	—	13
Войскъ	714	—	—	—	714
Базаковъ	257	—	—	—	257
2) Туземцевъ:					
Таранчей	2,083	1,822	—	—	3,905
Дунганей	202	206	—	—	408
Китайцевъ	976	776	—	—	1,752
Прочихъ народностей (*).	370	225	—	—	595
Итого		4,649	3,044	—	7,693

Распределеніе народонаселенія Кульджи по вѣроисповѣданіямъ слѣдующее:

	муж. п.	женск. п.	всего.	
Православныхъ	1,013	14	1,027	
Католиковъ	72	71	147	
Лютеранъ	3	—	3	
Магометанъ	2,655	2,253	4,908	
Язычниковъ	906	706	1,612	
Итого		4,649	3,044	7,693

Производительность Кульджи невелика. Послѣднія смуты и волненія, терзавшія Илійскую провинцію, сильно тормозили всякую полезную дѣятельность населенія, которое начинаетъ отдыхать и оправляться только теперь.

Число лавокъ въ городѣ значительно: оно доходитъ до 650; но количество товаровъ ничтожно и ограничивается непряхотливою потребностью населенія. Болѣе крупный торгъ ведутъ сарты изъ Ташкента, Кокана и Башгара и татары изъ Вѣрнаго и Копала. Глав-

(*) Сюда относятся: казымы, торгоуты, маджурь, киргизы, афгань и сарты — выходцы изъ Туркестана и Кашгара.

нѣйшіе предметы привоза составляютъ: изъ Кашгара и изъ другихъ мусульманскихъ городовъ—мата и халаты; изъ Вѣрнаго и Копала швейныхъ сортовъ ситца, цанка, коленкоръ, ились, сукна, металлическія вещи, и изъ Урумчи и собственно Китая—чай. Взаимнѣ этихъ продуктовъ отпусаются: бараны (по преимуществу изъ Кашгаря), мерлушки, сырыя кожи, гончарныя издѣлія, яблочки и урюкъ (либрикосы), лисья шкуры, молодые маралы рога. Послѣдніе весьма выгодно сбываются китайцамъ черезъ Кяхту и употребляются ими какъ лекарство отъ истощенія силъ.

Фабричная и ремесленная производительность еще болѣе ничтожна, чѣмъ торговая. Вотъ перечень наиболѣе крупныхъ производствъ:

Наименованіе фабрикъ и заводовъ.	Число.	Сумма произ- водства въ рубляхъ.	Число ра- бочихъ.
Маслобойныхъ	10	12,000 р.	78
Писчебумажныхъ	4	500 »	24
Чугунноковильныхъ	5	600 »	20
Гончарныхъ	2	960 »	6
Красильныхъ	1	300 »	5
Вермишельныхъ	3	101 »	6
Итого	25	14,461 »	139

Хлѣбопашествомъ жители занимались мало, потому, что много рукъ было отвлечено для комплектованія султанскихъ войскъ. Съ нынѣшняго года населеніе, освобожденное рекрутскою и никакими земскими повинностями, дѣятельно приступило къ воздѣлыванію земли. Урожай пшеницы дастъ здѣсь самъ 30 ть (*).

(* Цѣны на кульджинскомъ рынкѣ слѣдующія:

Пшеница въ обыкновенное время стоитъ пудъ 7—8 копѣекъ; но въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, смуть и большого числа войскъ, продовольствовавшихся въ прошломъ году, поднялась до 1 руб. 80 коп. Затѣмъ обыкновенныя цѣны: на рязь 15 коп., на просо 15 коп., на ячмень 18 коп., на овесъ 4 коп. за пудъ.

Пудъ мяса и баранины колеблется отъ 70 коп. до 2 руб. 40 коп.

Сотня яицъ стоитъ 30 коп., курица при вѣсѣ Кульджи стоила 2 копѣйки; теперь цѣна поднялась до 8 коп.; фунтъ мяса стоитъ 30 коп.; свиныхъ сѣтчей пудъ 5 руб.; средняя стоимость сахара равна 30 рублямъ за пудъ. Фахизаный чай продается по 1 руб. 50 коп. за фунтъ.

Мата—кусочекъ въ 18 аршинъ стоитъ отъ 60 до 70 коп., русскій ситецъ продается по 22 коп. аршинъ; такъ по 30 коп. и коленкоръ отъ 25 до 35 коп. аршинъ.

Корова стоитъ отъ 16 до 25 руб., лошадь отъ 20 до 60 руб., бараны 3 руб., быкъ отъ 25 до 40 руб.

Дѣла — бревно 8 вершковъ въ діаметрѣ и 2 сажени длины—стоитъ 2 рубля; доска—8 вершковъ ширины и 2½ аршина длины—10 коп.; доска въ 3 аршина длины и 8 вершковъ ширины 50 коп.

Кирпичъ обожженный тысяча стоитъ 2 рубля; сырцовый кирпичъ 1 руб-

Провѣщеніе въ Кульджѣ выражается слѣдующими цифрами школъ и содержимыхъ въ нихъ учениковъ.

Наименованіе школы.	Число		Всего.
	школъ.	учащихся. муж. п. женск. п.	
При китайской кумирѣ	1	25	25
При большой мусульманской ме- чети	1	60	70
При домахъ муллъ	4	82	103
Итого	6	167	198

Кульджинское населеніе отличается довольно кроткимъ и спокойнымъ нравомъ; но, вслѣдствіе бѣдности и дороговизны хлѣба, происшедшей отъ недостатка посѣва въ 1871 году, сильно развито воровство. Ворованныя вещи тотчасъ спускаются на базаръ, либо выкидываются на хлѣбъ. Уничтоженіе русскими властями жестокихъ наказаній (отсѣченіе руки, битье палками по пятамъ и пр.) также на первыхъ порахъ способствовало увеличенію преступковъ и преступленій. Городская тюрьма (ангдакъ), представляя удобное помѣщеніе, не только не устрашаетъ, а, напротивъ, привлекаетъ бѣдный людъ, который находитъ тамъ готовое продовольствіе, пріятную кампанію и безмятежный отдыхъ. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что подобное положеніе дѣлъ лишь временное, и когда жизнь населенія, подъ вліяніемъ прочно-утвердившейся власти, войдетъ въ нормальную колею, т. е. когда благосостояніе народа увеличится, то число ворахъ уменьшится само собою.

Вліяніе русскихъ въ Кульджѣ, безспорно, можно считать благотворнымъ. Независимо отъ обезпеченія собственности, много учрежденных при invito русскими въ средѣ недавно подчиненнаго населенія. Такъ, между прочимъ, весьма пріятное впечатлѣніе производитъ введеніе гласнаго суда для туземцевъ. Въ преступленія и проступки разбираются на сѣздѣ судей, которые выбираются самими народомъ. Собраніе судей происходитъ два раза въ недѣлю. Предварительное слѣдствіе производится однимъ изъ судей, который на сѣздѣ служитъ и докладчикомъ дѣлъ. Во время суда ищутся показанія, составляется протоколъ и постановляется рѣшеніе. Разбирательство производится съ чрезвычайнымъ тактомъ. Туземная публика съ любопытствомъ приходитъ смотреть на необыкновенное зрѣлище.

Населеніе не только не дичится русскихъ, но, напротивъ, при-
60 коп. за тысячу; черноработчій въ день 15 коп.; работчій съ лошады беретъ отъ 40 коп. до 1 рубля.

вязано къ намъ и смотритъ на насъ какъ на своихъ избавителей отъ предшествовавшихъ бѣдъ и тревоженій.

Когда населенію стало извѣстна мысль о переговорахъ относительно передачи Кульджи китайцамъ, то послѣдовали многочисленныя адреса, въ которыхъ туземцы умоляли оставить ихъ въ русскомъ подданствѣ.

У.

ОКРЕСТНОСТИ КУЛЬДЖИ.

Развалины Новой Кульджи.—Позадна на озеро Сайрамъ-норъ.—Ущелье Талки.— Китайская императорская дорога.—Талкинский перевалъ.—Ужасный ночлеги.— Озеро Сайрамъ-норъ.—Китайскій городокъ Чинъ-панъ-дзи.—Каменноугольными местонахожденія близъ Кульджи.—Цѣлебный паровой источникъ.

Изъ Кульджи я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по окрестностямъ. Прежде всего я посѣтилъ развалины Новой Кульджи, лежащія на юго-востокъ отъ Суйдуна, въ двѣнадцати верстахъ, на правомъ берегу Или. Новая Кульджа была основана китайцами въ 1764 году, тотчасъ послѣ завоеванія Джунгаріи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась зимняя резиденція джунгарскихъ хановъ. Новый городъ назывался у китайцевъ Хой-юанъ-ченъ, а у среднеазіятцевъ и у насъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Новой Кульджи. Этотъ городъ служилъ средоточіемъ управленія надъ всею покоренною Джунгаріею и восточнымъ (китайскимъ) Туркестаномъ, и сохранилъ свое значеніе до 1866 года, когда былъ разрушенъ до тла возставшими дунганями.

Мѣстность отъ Суйдуна до развалинъ носитъ на себѣ отпечатокъ запущенности и разоренія, хотя и до сихъ поръ ясно сохранились слѣды культуры, т. е. заброшенные пашни, полузасыпанныя ирригаціонныя каналы, заглохшіе сады и т. п. Множество дорогъ до бывшаго города нынѣ почти совсѣмъ заросли травой.

Къ развалинамъ прилегаютъ обширныя кладбища, на которыхъ большая часть могилъ раскопана. Побѣдители-мусульмане вырывали труны китайцевъ съ цѣлью воспользоваться одеждою богатыхъ покойниковъ (*).

Городъ состоялъ изъ обширнаго предместья и крѣпости. Общее протяженіе его въ длину равнялось верстамъ шести или семи.

Необыкновенно грустное зрѣлище представляютъ развалины этого некогда многолюднаго города! Путникъ проѣзжаетъ улицы, устланныя

(* У китайцевъ и у казынковъ существуетъ обычай класть въ могилу съ покойникомъ драгоценныя вещи.

обломками кирпичей, битою посудою, полуистлѣвшими костями людей и животныхъ.

Въ цѣломъ сохранилось одно только зданіе — небольшая мусульманская мечеть. Все остальное тщательно разрушено. Въ домахъ разобраны не только потолки и крыши, но даже по нѣскольку стѣн спесено до основанія. Грунты въ домахъ и дворахъ перерыты; видно, что побѣдители долго и усердно искали кладовъ и богатствъ. Особенно усердно разыскивались сокровища въ домѣ *дэнь дэня* (генераль-губернатора). Послѣдній, въ тотъ моментъ, когда городъ, послѣ двухлѣтней осады, былъ взятъ, копчилъ свою жизнь по-сардапаловски: онъ задалъ большой обѣдъ, и когда, послѣ обѣда, ему доложили, что непріятель ворвался въ крѣпость, съ женами и домочадцами, среди своихъ сокровищъ, онъ взорвался на воздухъ.

Теперь отъ генераль-губернаторскаго дворца уцѣлѣли однѣ фигуры львовъ передъ воротами, да передняя стѣна передъ домою, на противоположной сторонѣ улицы. На стѣнѣ еще и до сихъ поръ сохранилось изображеніе дракона, пожирающаго солнце.

Дома Кульджи, по большей части, были построены изъ сырцоваго кирпича; но многія общественныя и казенныя здація (квартиры чиновниковъ) были изъ превосходнаго обожженаго кирпича. По этому кирпичу еще и теперь сохранились слѣды арабесковъ и орнаментовки. Стѣны домовъ зачастую выштукатурены и въ нѣкоторыхъ домахъ разрисованы довольно хорошо, т. е. съ соблюденіемъ перспективы. Рисунки изображаютъ цвѣты, деревья, животныхъ и людей.

Въ разрушенныхъ модельныхъ и до сихъ поръ важно засѣдаютъ толстобрюхіе идолы, но всѣ уже давно обезглавленные.

Въ сторонкѣ отъ города, на мысу образуемомъ рѣкою Или и крутымъ оврагомъ, виднѣются развалины русской факторіи. Факторія наша состояла изъ двухъ-этажнаго домика консула, хорошенькой церкви и нѣсколькихъ рядовъ лавокъ, и не избѣжала общей участи; но кто былъ настоящимъ виновникомъ ея разоренія (т. е. какая народность) и теперь остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторые думаютъ, что факторія была разрушена самими китайцами.

По осмотрѣ кульджинскихъ развалинъ, мною были сдѣланы распоряженія на слѣдующій день для поѣздки на озеро Сайрамъ-норъ, лежащее къ сѣверу отъ Суйдуна за талкинскимъ переваломъ и славящееся своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. На мое несчастіе ночью и все утро шелъ дождь; откладывать же поѣздки было нельзя.

зя, и я, невзирая на дурную погоду, отправился въ путь. Сопровождать меня взялся г. Б—чъ, черногорецъ, извѣстный въ краѣ своею неутомимостью въ верховой ѣздѣ.

Отъ Суйдуна до озера считается 65 верстъ, и я, выѣхавъ въ девять часовъ утра, до наступленія теплоты рассчитывалъ быть у цѣли. Дорога вела по мѣстности когда-то обработанной и славящейся своимъ плодородіемъ. Переваливъ черезъ невысокій песчаный кряжъ, дорога, на протяженіи верстъ двѣнадцати, шла по возвышенной равнинѣ, гладкой какъ бильярдъ, примыкающей къ самой подошвѣ Талкинъ слаго хребта. Едва я въѣхалъ въ ущелье и перемѣнилъ лошадь, какъ утихнувшій-было дождь пошелъ снова. Мелкій, непріятный, точно осенній, дождь этотъ порядочно отравлялъ удовольствіе ѣзды по ущелью. По дну ущелья съ ревомъ и пѣною мчатся рѣчка Талкина, обнаруживающая, что паденіе подошвы ущелья значительно, хотя для ѣздки подъемъ и не кажется крутымъ. Здѣсь явственно сохранились слѣды большой китайской дороги, называвшейся «импатораторскою», которая вела изъ Кульджи въ Урумчи и даже до Пекина; иныя дороги эта совершенно заброшена, и мостики черезъ Талкинку развалились, такъ что въ большинствѣ случаевъ рѣчку приходится переѣзжать въ бродѣ. Переѣздъ какъ по сохранившимся мостикамъ, изображающимъ изъ себя рѣшето, такъ и въ бродѣ одинаково непріятенъ. Въ полную воду (въ серединѣ лѣта) Талкинка глубока; кромѣ того она течетъ по большимъ камнямъ, по которымъ лошадь скользитъ и спотыкается. Холодная ванна, которую рискуешь принять переправляющійся черезъ рѣчку, не такъ устрашаетъ, какъ опасность быть увлеченнымъ бѣшенымъ потокомъ.

Дорога мѣстами проходитъ по крутымъ косогорамъ, а мѣстами по карнизамъ, вислящимъ надъ пропастью. Но здѣсь карнизы довольно широки и со стороны пропасти тщательно ограждены барьеромъ изъ нагроможденныхъ камней. Вдоль дороги, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, сохранились остатки китайскихъ ниветовъ или станцій.

Видъ ущелья съ каждымъ шагомъ вглубь становится диче и грабознѣе. Сѣрые и красныя нагроможденія скалъ, зачастую нависнувшихъ надъ головою, имѣютъ самую причудливую форму. Каменные ребра горъ, образующихъ ущелье, равно какъ и отдѣльныя скалы, покрыты растительностью. На болѣе низкихъ откосахъ скалъ растутъ деревья, свойственныя теплему климату: абрикосы, карагачъ, яблони; повыше слѣдуетъ боярышникъ, рябина, таль; потомъ явлется береза и, наконецъ, широкан полоса елей. Необыкновенно

странный видъ представляютъ эти скалы, поросшія лѣсомъ: большіе слои наносной почвы незамѣтны, чрезъ что глазу кажется будто деревья растутъ прямо изъ камня.

Проѣхавъ верстъ двадцать пять ущельемъ, надобно подыматься уже черезъ самый перевалъ. Картины, представляющіяся здѣсь изъ виду, еще грознѣе и величественнѣе. Съ каждымъ шагомъ подъемъ становится круче и круче. Выйдя изъ густой поросли елей, дорога поднимается по голымъ каменнымъ откосамъ. Лошадь моя карабкалась цѣпляясь копытами за острые выступы камней. Подъемъ такъ крутъ, что черезъ каждые два, три шага лошадь останавливалась. Одинъ невѣрный шагъ ея—и можно было рисковать скатиться въ зияющую бездну. Дочувливый мелкій дождикъ моросилъ по-прежнему. Стало вѣтерѣть, и мнѣ уже немного оставалось до вершины перевала. На меня пахнуло зимнимъ холодомъ, и я увидѣлъ передъ собою крутую скалу, на которую надо было подняться, а по бокамъ ея, въ ложи пахъ, снѣжныя полосы. Я оглянулся назадъ—ретивое мое ѣкнуло густая туча застлала сзади меня все пространство, такъ что мнѣ казалось, будто я висѣлъ въ воздухѣ. Спустя нѣсколько мгновений облако, разстилавшееся у моихъ ногъ, поднялось выше и обдало меня крупнымъ дождемъ. Пробираться вверхъ подъ склянымъ дождемъ въ полумракѣ, я не рѣшился, тѣмъ болѣе, что я былъ одинъ. Провожавшій меня, г. Б—чъ, гораздо ранѣе ускакалъ впередъ, съ цѣлью раздобыть юрту у виргизовъ. Не желая быть застигнутымъ ночью на крутомъ каменистомъ откосѣ, я повернулъ назадъ, рассчитывая встрѣтить оставшійся вьюкъ и провести ночь въ дѣской полостѣ, подъ сѣлю. Внизъ лошадь пошла быстрѣе. Вотъ снова появились ели, а вьюка моего не оказывалось... Лошадь прибавила ходу... Мгновенно окутывала меня снѣгѣе и сильнѣе; я все еще надѣялся встрѣтить возжелѣнный вьюкъ, а съ нимъ сухое платье, чай и провизію. Но увы! дорога сразу потерялась въ темнотѣ, и я долженъ былъ остановиться на почлегъ среди дикаго ущелья, даже и не подъ сѣлю, весь мокрый и голодный. Дождь поливалъ меня сверху; сырость пронизывала насквозь; дрожа отъ холода, я, чтобы согрѣться, сталъ топтаться на мѣстѣ, держа въ то же время лошадь въ поводу. Вскорѣ дождь прошелъ. На небѣ зажглись звѣзды; но не до нихъ мнѣ было тогда. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ утра. Едва забрѣжилъ свѣтъ, такъ что можно было различать дорогу, я снова двинулся на приступъ къ перевалу, и, поднявшись на гребень, сразу увидѣлъ величественное, спокойное озеро, заключенное въ горной воронкѣ, точно въ чашѣ. Свѣтлая и прозрачная вода казалась какъ бы

расплавленной массой стекла, въ которомъ мягко отражался лазурный небосводъ.

Озеро, по рассказамъ, весьма глубоко и еще у китайцевъ называлось Серн-объ-поръ, т. е. «многоводное». Вода въ немъ слегка горькая; рыба, какъ и въ большей части горныхъ озеръ, не водится. Дно твердое, крупно-песчаное; берега плоскіе. Вся окрестность озера простирается до шестидесяти верстъ. На вершинѣ перевала я встрѣтился съ г. Б—чемъ.

Сильно усталый и не имѣя возможности отдохнуть и опривиться на берегу озера, я повернулъ назадъ. Возвращаясь, и въ этотъ день не встрѣтилъ своего вьюна; оказалось, что еще наканунѣ сопровождавшіе его люди заблудились и пошли по другой дорогѣ. Вскорѣ солнце меня высушило; разбитый, усталый, голодный, я еле-еле дотащился до Суйдуна, гдѣ и нашелъ отдыхъ подъ кровомъ гостеприимнаго г. Б—ча.

Возвращаясь изъ Суйдуна въ Кульджу, я посѣтилъ городокъ Чинъ-панъ-дзи, населенный исключительно китайцами. Жители, какъ этого городка, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, находящихся въ Кульджинской провинціи, принадлежали, во время китайскаго владычества, къ военно-поселенному сословію. Китайское правительство издавна переселило ихъ сюда съ цѣлью удерживать отдаленную провинцію въ своихъ рукахъ; однако военные поселенцы не оправдали ожиданій: они не развили въ себѣ ни мужества, ни военного искусства. И во время возстанія мусульманъ, они первые бросали оружіе и спѣшили сдаваться. Благодаря своей преждевременной покорности, эти военнопоселенцы уцѣлѣли среди всеобщаго истребленія китайцевъ.

Жители Чинъ-панъ-дзи чрезвычайно бѣдны. Они добываютъ скудные средства къ существованію путемъ ничтожной торговли. Все свободное время проводятъ въ праздности, куря опиумъ, весьма распространенный между ними. Обстановка въ домахъ самая убогая; грязь и нечистота производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Между обывателями усматривается множество больныхъ глазами. Мрачная обстановка жилищъ, у которыхъ вмѣсто оконъ служатъ рѣшетки, заклеенныя бумагою, неопрятность и нечистота, нѣтъ сомнѣнія, вліяютъ не только на глаза, но и вообще на здоровье.

Къ числу безъинтересныхъ окрестностей Кульджи слѣдуетъ отнести мѣстонахожденіе камешнаго угля, добыча котораго производилась здѣсь еще китайцами.

Разработка производится въ трехъ мѣстахъ: Пеличи, Могуи-

ты и Готуль, отстоящихъ отъ Кульджи въ 10-ти, 15-ти и 20-ти верстахъ, по направленію къ сѣверо-западу, въ отрогахъ Талгинскаго хребта. Уголь невысокаго качества, особенно въ верхнихъ пластахъ гдѣ онъ сильно землистый, на воздухѣ скоро разрушающійся и при горѣніи отдѣляющій много золы.

Разработка угля производится артелями рабочихъ, наймаемыхъ за самую ничтожную плату капиталистами изъ дунганей или таранчей. Средства для разработки первобытныя, подобныя тѣмъ, какіе употребляются нашими крестьянами для добычи угля на югѣ Россіи. До послѣдняго времени продажная цѣна на уголь равнялась, на мѣстѣ, одной копейкѣ за пудъ, а съ перевозкою въ Кульджу — двѣ копейки. Нынѣ цѣна поднялась въ Кульджѣ до пяти и шести копѣекъ.

Перевозка производится на невысокихъ двухколесныхъ тележкахъ.

Все количество ежегодно добываемаго въ окрестностяхъ Кульджи угля простирается отъ 600,000 до 800,000 пудовъ.

Изъ окрестныхъ достопримѣчательностей Кульджи нельзя не упомянуть еще о «цѣльномъ паровомъ источникѣ», отстоящемъ отъ Кульджи верстъ на пятнадцать, вблизи камешно-угольныхъ мѣстонахожденій.

Изъ земной разсѣлины выходятъ пары, имѣющіе, по рассказамъ туземцевъ, необыкновенную цѣлебную силу отъ всевозможныхъ болѣзней. Надъ мѣстомъ выхода паровъ еще китайцами устроена лачуга съ пробитымъ маленькимъ отверстіемъ вмѣсто дверей. Температура паровъ такъ велика, что оставаться долго подъ ихъ вліяніемъ можеть не всякій. Источникъ этотъ научно еще не изслѣдованъ.

Кульджа, 1872 г. 27-го іюня.

Д. Костенко.